

A historical painting depicting a group of soldiers in a snowy, mountainous landscape. The soldiers are wearing brown, heavy winter coats and dark berets with red bands. They are walking along a snow-covered path. In the background, there is a large, white stone building with a golden dome, likely a church or a monastery, set against a backdrop of snow-covered hills and evergreen trees. A red flag with a golden emblem is visible in the upper left corner. The overall scene is set in a winter environment with a soft, hazy atmosphere.

Завет Адмирала

Вячеслав Нескормных

Вячеслав Васильевич Нескоромных

Завет Адмирала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63736856

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-98973-3

Аннотация

Гражданская война смертельным клубком катится по Сибири. Белое движение терпит жестокое поражение, переживает предательство, армия вынуждена отступать, совершая Великий Ледовый поход по тайге и льду сибирских рек. Одна из целей предателей – захватить золотой запас России. Студент Евгений, его подруга Екатерина и магистрант из США Эрик через сто лет после событий гражданской войны пытаются найти золото, замеченное у отступающих через село на сибирской реке казаков из охраны адмирала Колчака. Отряд казаков разбит отрядом красных анархистов, но куда делся груз, который везли казаки? Молодые люди начинают поиск, следуя по пути отступавшего по реке отряда .

Вячеслав Нескоромных

Завет Адмирала

ПРОЛОГ

После подавления восстания бурят, спустившихся по реке из Тункинского улуса, воевода и основатель Иркутского острога сын боярский пятидесятник казацкий Иван Похабов, решал, как быть с шаманкой, пойманной у высоченной скалы, смущающей окрестности крутизной. Скала эта отличалась неприступностью и грозно нависала над Иркутом.

Буряты проживали с давних времен вдоль долины реки, что значит верченая-крученая вода, и ясака никому не платили. Но вот как явились из Енисейска, спустившись по Ангаре, настырные бородатые люди, все как на подбор шумливые пьяницы и разбойники, пришлось мириться местным скотоводам и охотникам с насилием и выплачивать дань московскому царю. Да только так порой говорилось, – царю, а часто ясак оседал в бездонных карманах воевод казацких. Бражничали без меры пришлые, куражились над местными. Жен и дочерей не редко похабничали, мужчин уму-разуму учили жестоко. От того и ясак рос, не убывал, какие бы другие поборы не проводил воевода казацкий.

Шаманка Эргин-тойон разжигала костры на вековом ка-

пище близ сторожевых башен пришельцев на вершине скалы, на плоской проплешине на самом краю. Здесь среди векового леса проводила свои языческие обряды с дикими плясками под бубен: тряслась до состояния транса и потери сознания, и оседала наземь, выбившись из сил, закатив глаза с лицом отрешенным, чужим, воздетым к небу.

Со скалы было хорошо видно, как тянулись по Иркуту, по зимнику обозы казацкие с юга из Тункинской долины, битком набитые добычей. Капище шаманки стало центром противостояния местного люда пришлым: отсюда разлетались призывы к бурятским стойбищам о сопротивлении.

А теперь, тощая, связанная веревками, поверх расписной шаманской кухлянки, обозленными казаками, Эргин-тойон, сидела в саях и зыркала остро из-под включенных, черных как смоль волос, на своих мучителей горящими как угольями глазами. Чуяли все, – внутри этого скомканной веревками худобы пламенеет душа непобедимая, огненный протест, жгучая, как горящая смола отравы и дурная сила. Оттого боялись ее.

Шаманку разместили на саях, а она наблюдала раскосыми узкими глазами таежной рыси за своими мучителями, запоминала и проклинала их, и победно глянула, ухмыльнувшись на рядок выложенных во дворе убиенных бурятами казаков.

– Везем ее на скалу! – скомандовал Похабов, – там и порешим.

На скале гулял ветерок. Присыпанная свежим снегом поляна упрягала натоптанные дорожки и припорошила деревянных истуканов, что стояли округ мертвого кострища. Тут же на краю скалы на ветку высоченной сосны накинута веревка, потянули, нарушая золотистую кожуцу коры, поспешая в надвигающихся сумерках. Шаманку скоро определили в петлю и резко потянули. Взлетела вверх почти невесомая телом, но крепкая духом женщина и закачалась над обрывом, над рекой и всей округой, которую оглядывала хозяйской долгие годы.

Когда казаки, спеша спустились со скалы вниз к реке и переправившись двинулись к сторожевой станции в Мотах, уже снизу оглядели чернеющий на фоне разгорающегося звездами неба грозный силуэт повешенной шаманки. Та выделялась на фоне темного уже неба, как вдруг увидели рванувшуюся из вытянувшегося силуэта ввысь черную как смоль птицу: то ли вбрана необыкновенной стати, то ли иную неведомую крылатую тварь, до умопомрачения жестокую и грозную.

Казацкий наряд замер, глядя на черный размашистый силуэт летящей над рекой птицы, а головной казак, что пристраивал косматую голову шаманки в петлю и справил казнь, обронил, косясь на Похабова:

– С бабой, оно всегда так: кажется все – овладел, покорил, приспособил ее под себя, а она глядь, – взмахнет подолом, как крылом и нет ее. Плоть бабья может быть и рядом, да

дух уже унесся ввысь и в даль.

– Сжечь, надо было бы, а пепел развеять, – процедил сквозь зубы Похабов, проезжая мимо на своем жеребце, – теперь уж в другой раз, коли сызнава словим ведьму.

НА ВОЛЬНОЙ РЕКЕ

«Иу-иу-иу-у-у...» зазвучало настойчиво с нарастанием в наушниках и сразу учащенно забилося сердце.

К этому звуку нельзя было привыкнуть и, хотя после первого опыта находок острота ощущений поубавилась, все же каждый раз в ответ на этот звук сердце билось учащенно, накатывало волнение, а воображение рисовало образ неведомой находки, которая породила звук в наушниках металлоискателя.

Студент геологического факультета университета Евгений Зимин был на реке и увлеченно тестировал новенький металлоискатель, в надежде обнаружить среди камней и песка золотой самородок.

Женька был высоким парнем, с густыми русыми давно не стриженными волосами, с открытым лицом, на котором светились любопытством задорные глаза взрослого мальчишки. Особенной твердостью характера молодой человек не отличался, но мог вовремя собраться и, наделав «долгов» за семестр, к сессии вполне сносно «раскрутиться» и даже порадовать преподавателей достойными ответами и позитивным

настроим.

– Ты, Зимин, способный, но какой-то разбросанный в интересах, – ворчал заведующий кафедрой, с удивлением отмечая в очередной раз, что Зимин, накопив пропусков и несданных работ, тем не менее, сессию сдавал без трояков.

– Мог бы и отлично учиться, а там глядишь, и в аспирантуру взяли бы тебя, – продолжал наставления профессор.

– Да мне ни к чему, вот курс добыю и в профессию уйду. Мне по душе работа на воздухе, – отшучивался Женька, чем огорчал преподавателя, который видимо, считал, что у парня есть способности к науке.

Вольной реку сельчане называли за быстрый бег меж крутых скалистых берегов, чередующихся с пологими, усыпанными камнями и галькой, просторными берегами в распадах между примыкающих к реке сопок. Особо вольной река была несколько лет детства, что прошли в этих местах, когда летом целыми днями пропадали мальчишки на реке. Река влекла, развлекала и кормила, купала и закаляла, давала возможность проявить себя. Здесь на реке проводили массу времени, притворяя в жизнь свои мальчишеские идеи. Река давала чувство свободы от надзора взрослых, ведь те не ведали и десятой доли от того, что творили ребята.

Зимой река замерзала, и пока снега не укрыли ледяную гладь, заметая перекаты и торчащие из воды камни, мальчишки гоняли по льду шайбу или оранжевый мяч-бенди,

пропадая на льду до глубокой ночи. Падавший всю зиму снег дружно расчищали и сражались весь день, оглашая окрестности криками и стуками клюшек о лед.

Весной все ждали ледохода и, собравшись у реки, наблюдали с интересом, как пухнет ее поток под напором растущей воды. Толкаясь у реки, ждали момента, когда усталый под гнетом солнца, лед начнет лопаться под натиском стремнины, и отправится в путь, крошась и сверкая гранями кристаллов на весеннем ярком солнце. Это был миг торжества, – почти победа. Мальчишки бегали вдоль берега и с восторгом приветствовали изменения в природе. Особенно ценилось, если кто-то первый распознает разительную перемену на реке и криком:

– Река пошла! – известит деревню о великом свершении в природе.

Вот казалось, – а что такого в этом ледоходе? Но чувство обновления после затяжной стужи, крах-слом, казалось устоявшейся крепки, не давали покоя.

Вслед за ледоходом приходило половодье, и река несла свежесть с верховий, стволы деревьев и заливала луга и низины вдоль русла, подбиралась стремительно к заборам и домам, подмывала баньки и сараюхи, что лепились у самой воды. Река была барометром ливней в горах: если в верховье лили дожди, то вспухала мутными упругими потоками и заливала берега. Тут уже сызнова приходилось суетиться деревенским – не давала покоя река.

Иркут славился у местных жителей наличием не только хариусов и ленков, но и золотиносных песков и галечников. На реке стояли годами крупные золотодобывающие артели для промывки россыпи, и то славно, что дело не дошло до драг, – все же река не располагала к такому размаху работ.

Кормился здешний народ рыбалкой, знатным сенокосом, кедрачом в распадках вдоль реки и обильными ягодными угожьями. Ягодные места на любой вкус тянулись по берегам раскидистыми кустами черной и красной смородины, полянами черники и брусники. В болотистых местах росла голубица, а жимолостью с малиной заросли дальние и ближние распадки, что примыкали прямо к деревне Шаманка. И было всегда столько ягоды, что местным хватало без суетоки: просто приходило время, выходили за огород и собирали в котелки вдоволь.

Шаманка, старая сибирская деревня, раскинувшая вдоль водного потока свои улочки по таежным распадкам, одним концом лепилась к реке вдоль узкого берега, зажатого отвесной высоченной скалой, что стеной стояла вдоль русла, обнажая геологическую подноготную местности. Скала являла собой отвесный борт когда-то сформированного геологического разлома и возвышалась величественно, была яркой приметой здешних мест. Верх скалы был обильно покрыт лесом, но в самом высоком месте у края отвесной стены была приметна площадка, с которой открывался удивительный, воодушевляющий вид на реку и величественные таеж-

ные окрестности. К этому месту от деревни вела тропа, которая то плавно, то круто, порой петляя, поднималась в гору через лес. У тропы и на площадке еще можно было найти каменные плиты с редкими старыми рисунками неведомых языческих идолов и сценок жизни охотников и аратов. Вот это было все, что осталось от известного в давние времена места шаманских ритуалов, которые справлял древний род языческих проповедников, оберегая реку и народ, живший на ее берегах в те далекие времена. Сказывали, что последней в этом роду была известная шаманка Эргин-тойон, после гибели которой за этим местом и закрепилось название. Историки-краеведы много спорили, то опровергая, то подтверждая факты, связанные с именем проповедницы и воительницы. Летописи далеких времен твердили: Эргин-тойон долго, несоизмеримо долго в сравнении с человеческой жизнью активно участвовала в жизни своего народа. Аргументом против было утверждение, что не могла одна и та же женщина активно действовать несколько десятилетий. Найти же иные источники, других участников тех событий в шаманском облачении более не удавалось. С гибелью Эргин-тойон долина реки опустела: местные ушли вверх по реке под защиту Тункинских и Саянских бурят, что и до сей поры демонстрируют порой свою неуступчивость власти.

С тех давних пор, как лишилась долина реки покровительства шаманского древнего рода, здесь обосновались и укоренились пришельцы из западных пределов земли российской.

Но память человеческая, так или иначе, подобно воде, находит тонкую брешь и утекает. Так русская деревня стала называться Шаманкой, приняв на себя память о древней воительнице.

Деревня эта многое пережила. Зародившись с первыми первопроходцами сибирской земли, видела первых казаков, шагнувших на землю Прибайкалья, ссыльных, каторжников, золотоискателей, удачливых охотников и купцов, чинов военных, жандармских, милицейских и всякого сумеречного вида оперуполномоченных. Все они периодически суетились у реки, покрикивали, хотели что-то решать и добиваться, но сгнули, как пропадает после каждого половодья на реке накопленный хлам, смываемый энергичной, упрямой и вездесущей водой. А деревня как стояла, так и продолжает жить, с годами мало меняясь внешне.

И в последние стремительные годы нового века, не обветшав, деревня сохранила свое лицо и по-прежнему вызывала интерес, помаленьку вставала с колен лихолетья, крепчала, меняла свой уклад с социалистического созидания на капиталистическую предприимчивость. Оказалось, что в деревне есть удачливые бизнесмены, что наладили скоро лесозаготовку и деревообработку, строительство и торговлю. С появлением деловых людей по улицам деревни стали ездить не только трактора и лесовозы, но и иномарки представительского класса и сверкающие джипы.

И в народе это воспринималось как восстановленная, ра-

нее нарушенная, связь времен. словно вернулось на новом витке исторического процесса время, когда проносились по деревне сани-розвальни с загулявшими купцами и промышленниками в обнимку с разругавшимися на морозе, хохочущими барышнями, запряженные тройкой лоснящихся горячих коней с крашеными дугами со звонкими бубенцами.

В эти летние дни Евгений был свободен, отбив учебную практику и отцепив, наконец, все учебные «хвосты», скопившиеся за семестр. Получив в пользование свободное от обязательных дел время, Женя решил попытать счастья на реке, применив, теперь уже специальные знания по геологии россыпных месторождений золота.

У Женьки была давняя детская мечта – найти самородок. То, что в реке водились самородки, Женька знал доподлинно. Давненько небольшой самородок, размером с крупную фасолину, нежданно нашел дружок Женьки. Бегали они тогда мальцами вдоль реки после весеннего половодья и, ковыряя намытый рекой песок, Сашка увидел тускловатый желтый и забавный изъеденный эрозией камешек. И ведь никому не показал, только Женьке, а потом скоренько так спрятал в карман находку и только потом все узнали – Санька нашел самородок. Событие было не рядовое, а для Саньки и вовсе счастливое – после находки все лето дружок катался на новом велосипеде, великодушно одалживая и друзьям.

Писк металлоискателя заставил нагнуться, и умело ору-

дую саперной лопаткой, Женя разгреб песок с камнями и обнаружил круглый диск, сродни металлическому рублю, который оказался старой потемневшей от времени и коррозии медалью.

На медали проступала надпись – «За усердие» и год – 1915.

Находка оживила поиск. Показалось, еще чуть терпения и найдется что-то стоящее, но кроме консервных банок и ржавых гвоздей ничего более не попадалось.

Проведя на реке остаток дня, и изголодавшись, Евгений вернулся в дом деда. В этом доме парень провел много дней детства и навещался теперь достаточно часто, имея свободные от занятий пару-тройку дней.

Дом дедушки был собран из сосновых бревен и построен сразу после войны, когда прадед Жени вернулся с фронта. Энтузиазма и желания жить хорошо, дружно после страшной войны было вдосталь и тогда многие, вернувшись с фронта, с удовольствием скидывали гимнастерки и брались перекраивать свой быт. Рубили в складчину, – объединившись в артели, дома, бани и над рекой долго слышался дружный стук топоров.

Во дворе у деда стояла баня, сарайчики, загоны для скота и птицы. За двором тянулся огород, а у дома, со стороны улицы, колодец с ледяной и кристально чистой водой. Все эти владения Женька знал назубок, – каждый участок двора был обследован до мелочей неоднократно.

Дедушка Жени учительствовал в деревне после окончания местного пединститута: учил детей алгебре, да геометрии. Теперь, на пенсии дедушка по-прежнему много читал, занимался огородом, выращивал домашнее зверье, держал кур. Тайга также кормила то грибными, то ягодными угождями. А вот охотиться дедушка не любил: жалел старый учитель лесных жителей, проповедуя по случаю, что и у зверья есть права и первое из них – право на жизнь.

Дед внука всегда ждал и встречал радушно.

Евгений показал дедушке найденную на реке медаль и Силантий Матвеевич, осмотрев находку, призадумался, качнул головой. А потом покрутившись по горнице, полез в шкаф и, перебирая шкатулки и коробочки, достал такую же, но с нарядной планкой с бело-голубой лентой.

– Это медаль деда моего, Ивана. С войны с германцем принес. Рассказывал дед, что из нашей деревни с войны в те годы несколько человек вернулись с такими вот наградами. Видимо кто-то не уберег медальку. А может, кто из отступающих с воинскими частями потерял. В гражданскую войну здесь больших боев не было, но отряды то красных, то колчаковцев через деревню проходили неоднократно.

– Так может это река, откуда принесла? Река она многое творит в половодье.

– Может и так. В этих местах были бои и вполне загадочные события.

– Это ты дедушка о чем? Что-то раньше я такого не слы-

хивал.

– Так дела давно минувшие. Мало кто помнит о них. А я вот помню одну старую газету нашу районную, в которой местный следопыт, – учитель истории из нашей школы, поместил статью и карту пририсовал. А в статье той, – дед Силантий, понизил голос и почти заговорчески продолжил, – клад, спрятанный отступающими колчаковцами, был обозначен.

– Какой такой клад, дед?! Откуда он здесь?!

– Эта история известная в деревни, да мало осталось тех, кто ее помнит. Как прижали армию Колчака, двинулись они по железной дороге в сторону Китая, многие тогда задумались о золотом запасе, что в поезде везли. Золото-то пропало практически. Многие тогда пытались вывезти золотой запас на восток к морю и переправить за границу. Но Колчака тогда под Иркутском арестовали, и далее он не прошел, а сопровождающие его казаки и солдаты ушли из города и прорывались через кордоны уже по тайге. Так вот и вышли к нашей Шаманке. Сказывают, шли они не пустые, – груз у них был значительный в крепком ящике. По всему видно было, золотишком они успели разжиться, пока охраняли поезд, да присматривали за золотым запасом Российской Империи, что канула в небытие. Ведь тогда, шутка сказать, без малого несколько вагонов в том поезде адмирала было набито золотом.

– И что, кто-то знает об этом? – заинтересованно спросил

Женька.

– Э, брат! Да в этом деле мой дед и твой прапрадед принимал активнейшее участие. Правда нам он мало что в свое время рассказывал, ведь золота так и не нашли. Но с казаками хотели многие тогда посчитаться: набедокурили они знатно в деревне. Дед мой с берданкой бегал по тайге за ними – сказывают, сильно обидели они бабушку. Она тогда была еще не женой отцу. Это уже позже они поженились. Тогда сказывали они и Шаманку в тайге повстречали. Редкостное это событие, но порой случалось. Она тогда, сказывали, вмешалась как-то и отряд казаков перехватить помешала.

– А что за Шаманка, дед? Я об этом ничего не слышал.

– Рассказывали, жила тут в давние времена шаманка бурятская. Гадала, да предсказывала, вершила обряды. На скале нашей, на самой вершине обитель была у нее и место для обрядов. А как первые казаки пришли на Иркут, взялась она народ поднимать бурятский против русских пришельцев. Казаки ее и погубили. Сказывали, – то ли утопили в Иркуте, то ли повесили на вершине скалы. Долго она от них хоронилась, набегу наводила, да не убереглась. А теперь нет, нет да появиться перед кем-то: то испугает до смерти, то спасет, – что-то подскажет, подсобит, – неугомонная барышня. И сказывают бестелесная, как тень.

– Так! Ну, дела тут творятся, а я и не ведал вовсе! Скажи, а где найти эту старую газету, о которой ты говорил? А кто тот историк, что написал статью? Может попробовать поис-

кать клад, если есть какие-то сведения? Сейчас в геологии появились мощные средства поиска: различные сканеры, георадары, радиоуправляемые модели самолетов и вертолетов. Так, что, если где-то и зарыто золото, найти его можно.

Глянув на внука, оживленного с горящими глазами, Силантий Матвеевич, покачал головой:

– У нас этой газеты нет и историка того тоже уже нет, – по-мер. Была эта газета давненько в школе, – я еще тогда прит-кий был и отец живой. Батя, когда с той газеткой познако-мился, ругался на историка, говорил, что много неверно он написал, напридумывал того, чего и не было вовсе.

Дед, вспомнив отца, несколько примолк – задумался и продолжил:

– Но газета – не листок бумаги. Тираж был несколько со-тен, да и передавали их в библиотеки, да в архивы. Вот по-едешь в университет свой, поинтересуйся. В советское вре-мя все хранили в архивах.

– А история эта не новая. О ней нет, нет, да и вспомнят к той или иной дате. А то, что ты о ней не знаешь ничего, это понятно – всему свое время. Раньше тебе это было еще не нужно, и услышанное пропускал мимо, а теперь думаю, пришло твое время. Каждый слышит и внимает то, к чему он пришел своим осознанием.

– Ладно, дед, спасибо. Все становится очень, очень инте-ресно. Прямо-таки задачка для моего металлоискателя. По-

пробую найти эту газету. А может, ты мне поможешь? Походим вместе, поищем. Ты дедушка – тот еще следопыт!

– Эх, Женя. Какие мои годы, – возраст брат! А ты говоришь, пойдём искать клад! Развеселил ты деда! Или я и правда, еще ничего себе так! Может жениться?! Да, нет! Марию Васильевну свою я помню. Ее мне никто не заменит, – уже серьезно, дрогнувшим голосом ответил дед Силантий.

– Да, брось, дед! Ты еще у нас крепкий. Я про то, что может, чего подскажешь. Ты наши места на реке знаешь детально, – ответил Женя и обнял старика.

– Вот это я конечно запросто. Но думается мне, все это пустая затея. Столько годков прошло. Но я знаю, ты все равно на реке будешь пропадать со своим агрегатом, – дед Силантий покосился на металлоискатель, – поэтому помогу, а вдруг что интересное найдешь. Вот хотя бы медаль какую или орден, – дедушка взял в руки найденную медаль и стал внимательно ее изучать.

– На орденах номера ставили, а по ним можно узнать, – кто ее и когда получил через архив министерства обороны. Это брат уже большая история. История, в которой появляются заинтересованные персонажи, личные трагедии, исторические факты. А для кого-то появляется надежда найти потерянных на войне близких людей.

Поговорив с дедушкой и вдохновившись его рассказом о давних событиях, случившиеся в местах детства сто лет на-

зад, Женька решил ехать в город.

С утра молодой человек, перебравшись через раскачивающийся над рекой подвесной пешеходный мост, вышел к остановке и первым же автобусом отправился в город.

В городе и университете последнее время вспоминали адмирала Колчака. Оказалось, что и университет учредили в далеком 1918 году Сибирским правительством, когда во всю гремела гражданская война и власть меняла цвета и оттенки флагов быстрее, чем листва на деревьях. И казалось поначалу странным, что адмирал и правительство создали и поддерживали университет в далеком сибирском городе в столь сложное для страны время: в СССР другой характеристики, кроме как кровавый, Колчак не имел.

Но, когда советская власть выдохлась, и навязанная идеология сошла на нет, оказалось, что не так односложен был адмирал Колчак. Выяснилось, что и Иркутск Колчаку город не чужой, – бывал здесь неоднократно, а вернувшись из второй тяжелой арктической экспедиции, обвенчался в местном Михайло-Архангельском храме со своей невестой Софьей. Но обвенчавшись, сразу же отправился лейтенант Колчак в осажденный Порт-Артур на войну с японцами. И упокоился этот человек на иркутской земле в водах священного для сибиряков Байкала.

Споры о личности адмирала не прекращались, велись и поныне. Было заметно, как сдвинулось тяжело, как смещается, вызывая землетрясения тектоническая плита, обще-

ственное мнение в сторону принятия и иной точки зрения. В один из дней в городе необыкновенным образом, со скандалом, за счет частных средств адмиралу Колчаку возвели величественный памятник. Да где поставили! У знаменитого Знаменского женского монастыря, – замечательного и старейшего каменного здания города, построенного в конце семнадцатого века в исторической оживленной его части, близ того места, где и был расстрелян зимней ночью адмирал.

И вот еще аномалия! Столько было при Советах разрушено в городе величественных церквей, а вот храм на берегу Ангары власти не тронули, а лишь упразднили монастырь: как будто уберег кто-то, чтобы здесь, в свое время появился редкостный, для своего времени, памятник. А в тюрьме, в камере, в которой провел последние дни своей жизни Колчак, учредили музей. И так случилось теперь, что порой на пути к памятнику или в последнее пристанище этого человека, – в тюремный каземат, приходилось передвигаться по улицам, носящим имена тех людей, которые оказались причастны к убийству адмирала. По всему выходило – эмоции по поводу далеких событий и громких имен стали угасать в обществе и остались актуальны только масштаб личности, исторические факты, с которыми приходилось все же считаться и самым горячим оппонентам. Вот, например, отчего союзники Колчака, представители Антанты, чешские и словацкие legionеры, владея ситуацией на железной дороге,

произвели его выдачу противной стороне конфликта, обрекая на гибель? Очевидно, что этот человек, пробыв у власти в качестве Верховного правителя России чуть более года, их не только разочаровал, но просто серьезно мешал и в какой-то момент стал разменной монетой в споре с большевиками. Знать не в услужении был флотоводец, герой двух войн, полярник-исследователь адмирал Колчак у иностранцев. Несговорчив был адмирал, не торговал страной, даже ради победы в братоубийственной войне и тем более не ради собственного благополучия.

Об этом думал Женька, сидя в автобусе, которым он спешно отправился в Иркутск по извилистому с крутыми подъемами и спусками Култукскому тракту, что, рассекая тайгу ведет к юго-западной оконечности Байкала. Автобус натужно тянул свою ношу в очередной подъем, и так хорошо думалось под рокот мотора, наблюдая знакомую с детства таежную местность, обильную зелень трав, обступившие трассу сосны.

В городе, переночевав в своем студенческом общежитии с видом на величественную Ангару и плотину ГЭС, Женька отправился в областной архив, что располагался в тенистых улочках города.

Центр города, в котором властвовали прошлый и позапрошлый века, демонстрировал вековые деревянные резные ворота и ставни, покосившиеся от времени бревенчатые стены

домов, забавные вычурные карнизы и мудреные водосливы, осыпающиеся высокие фундаменты из желтого песчаника. Много раз крашенные глухие заборы, резные ворота и ставни облупились, являя миру ветхость старости и извещая о бренности всего сущего.

Эти улочки города Женька любил. Ему нравилось бродить по тенистым улицам мимо церквей и старых деревянных домов, заросших черемухой и сиренью, теснимых кряжистыми тополями, любуясь стариной и размышляя о своих делах. Но нельзя было не заметить, что некоторые дома от времени практически провалились по самые окна, и было件нятно, что суровый к старине новый век их добьет, если не будет обществом оказана срочная помощь.

Нужно сказать, что многое в городе восстановили. Но новодел чаще всего являл картинку лощеную, и дух старины испарялся безвозвратно. А здесь, среди старых обветшалых домов прошлого и позапрошлого веков, витал в воздухе, наполненном тополиным пухом, дух неподдельной старины.

Предъявив свой студенческий билет при входе в областной архив, и насочиняв несколько сонной, но делано ответственной и доброжелательной даме о задании научного руководителя собрать материал по истории сибирской деревни, Женька получил подшивку районной газеты середины прошлого века и стал аккуратно листать желтые ломкие страницы с наметившейся бахромой ветхости по краям.

Поиски всегда дело напряженное и часто утомительное,

но стремление к находке интересного и нужного предмета множит силы. Отсидев в тишине зала несколько часов кряду, уже к закрытию архива, нужный номер газеты был обнаружен. И как не обнаружить – статья занимала целую страницу, и было в ней несколько старых фотографий родной деревни у знакомой величественной скалы и людей, когда-то живших в Шаманке. Была в статье и вычерченная старательно вручную схема-карта, на которой обозначалась река, деревня и пунктиром маршруты казаков и отрядов красногвардейцев, что преследовали в те беспокойные времена раздробленные, но еще боеспособные части армии Колчака.

Пересняв на планшет обнаруженную страницу и отдельно схему с подробным изложением маршрута белого отряда с загадочным грузом, Женька обратил внимание на едва заметные следы карандаша под строчками статьи, линии и штрихи на карте. Стало понятно, что кто-то уже интересовался и внимательно изучал этот исторический материал.

В статье, строгим языком с явно активной, тенденциозной и неказистой редакторской правкой, рассказывалось о нагрянувшем в деревню при отступлении отряде белоказаков и о том, как сельчане, вооружившись, сумели отстоять свою деревню и дать отпор озверевшим врагам советской власти.

О кладе в статье явно сказано не было, но приводились слова живших еще тогда очевидцев и участников событий о том, что тащили белоказаки таинственный груз. Упомянулось и то, что были замечены люди, явно не солдатского

круга, а высокие чины, отличавшиеся подтянутостью фигур, надменностью лиц, утонченностью манер, в добротном обмундировании и с дорогим оружием. Было сказано, что груз, замеченный у казаков, выглядел как укутанный в брезент то ли ящик, то ли сундук и был он так тяжел, что два рослых коня, увязанные упряжью, натужно тащили его.

И уже в конце статьи историк-исследователь старины делал вывод о том, что, спешно отступая вдоль реки, с ее прижимами и скалами, не могли утащить далеко этот груз казаки. Тем более, что уходили они с боем под ударами преследовавших их отрядов красных героев и многие из врагов Советской власти в этом преследовании были ранены или убиты.

КРУШЕНИЕ ВЛАСТИ СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КОЛЧАКА

Верховный Правитель России адмирал Колчак долго колебался при принятии решения и отбыл из Омска в последний момент перед решающим наступлением Красной армии. Все имущество, канцелярию и конвой загрузили в семь поездов, из которых один был заполнен российским золотом – значительной частью золотого запаса Российской Империи.

Золото это теперь выскальзывало из рук. Тяжелый металл искал нового, более основательного владельца из-за жесточайшей с переменным успехом борьбы за власть в России и

претензий западных держав – недавних союзников царского правительства.

Союзники проявляли настойчивость, надеялись на возврат выделенных России кредитов, накопившихся за годы войны, и просто наживались в этой неуправляемой, бьющейся в конвульсиях, истекающей кровью стране, которая более всего напоминала смертельно больного в состоянии горячки человека. Подобрались интервенты основательно: с севера вгрызались в плоть страны американцы и англичане, на юге французы, на западе насуплено сдвигали границу германцы, на Дальнем Востоке и в Сибири хозяйничали японцы, а на транссибирской магистрали, – транспортном «позвоночнике» огромной страны, обосновались чешские и словацкие легионеры, парализуя и по ходу дела обирая ее.

Сибирское правительство отбыло из Омска ранее, так, что на месте уже никто не руководил учреждениями и деятельностью правительственных структур. Колчак же тянул, не спешил в Иркутск, необъяснимо для многих ждал, отвергая советы поторопиться, и выехал, когда в пригороде стала разноситься канонада. Это арьергарды второй армии генерала Каппеля встречали передовые дерзкие разъезды армии красных под командованием бывшего подпоручика, а ныне командарма Тухачевского.

Из Омска Верховный Правитель России адмирал Колчак прибыл в Новониколаевск, сделав на пару недель будущий Новосибирск столичным городом. Две недели прошли в су-

дорожной, мало организованной, но активной работе. Адмирал собирал аппарат правительства, отстранял от должности одних, делал назначения других, издавал, порой противоречивые распоряжения, энергично выступал с речами, так, что сорвал голос: все было направлено на исправление ситуации в борьбе с большевиками.

В Новониколаевске появилось эмоциональное «*Воззвание Верховного правителя*» к населению, в котором Колчак признавал неудачи на фронте и взывал вступать добровольцами в армию, организовывать отряды самообороны, помогать средствами. Впервые, давая себе отчет, что следует опираться все же на людей, обладающих состоянием, Колчак обратился к ним, назвав «*имущим населением*».

Но ощущалось во всем: активность Верховного не способна раскручивать практически остановившийся маховик власти.

В Новониколаевске оперативно был назначен на пост главы правительства Виктор Пепеляев, взамен отстраненного Петра Вологодского, с требованием от Колчака работать не в пример более активно и жестко.

Ситуация на фронте была крайне плачевной, что отзывалось смутой и в тылу. Казалось, при прибытии Верховного в городе, крепкий и преданный Барабинский полк, вдруг восстал после его отъезда: предательство шло за Верховным правителем России по пятам, ступая шаг в шаг с большевистскими агитаторами.

Развал фронта случился еще летом. Командующий Гайда проигнорировал приказ Колчака о приостановке наступления восточного крыла Сибирской армии под угрозой разгрома войск западного фронта. По решению Верховного требовалась оперативная перегруппировка войск и поддержка западного крыла обороны фронта. Этого сделано не было. Более того восточное крыло фронта продолжало двигаться вперед, не встречая должного сопротивления и этим практически затянуло удавку вокруг западной армии. В результате красные обошли, прошли по тылам плохо управляемой армии и опрокинули фронт. К поздней осени провал обороны превратился в беспорядочное бегство и дезертирство боевых подразделений.

Генерал Анатолий Пепеляев, – молодой командующий, избалованный воинским успехом 1918 года, в результате отступления практически потерял армию. Сплоченные воинские соединения разложились за два месяца под натиском неудач и большевистских агитаторов. Пепеляев, оставшись только со своим штабом и ротой охраны, обвинил в развале фронта главнокомандующего Сахарова и самого Колчака.

В декабре, когда Верховный Правитель России прибыл на станцию Тайга, его поезд был задержан и окружен войсками генерала. Пепеляев тут же прибыл к поезду и в неллицеприятной беседе с Колчаком, выкрикивая обвинения, потребовал расследования предательства и причин сдачи Омска. Ситуацию спас только что назначенный на пост премьер-министра

правительства Виктор Пепеляев, – он примирил Колчака и брата. Сахаров был смещен с должности, а распадающаяся, лишенная общего управления армия покатила мелеющей рекой с запада на восток.

Целью передислокации Верховного Правителя России был теперь Иркутск, где еще была надежда удержать ускользающую власть над Сибирью.

Власть в Иркутске поддерживал гарнизон в несколько тысяч штыков, среди которых наиболее боеспособными были роты юнкеров, унтер-офицеров и несколько эскадронов казаков, преимущественно уральских и сибирских, на которых и рассчитывал адмирал.

Колчак надеялся закрепиться в Иркутске и, соединившись с армией атамана Забайкальского Казачьего войска Семенова, создать крепкий узел обороны, способный противостоять частям красных. В будущем была надежда сохранить в Прибайкалье власть, выстроить крепкий заслон от Красной армии вдоль Байкала и крепить силу, получая поддержку из Приморья и Забайкалья.

Тем не менее, события в Иркутске развивались в следующем порядке.

В декабре, последнюю неделю уходящего 1919 года произошло восстание в казармах Иркутского гарнизона в Глазковском предместье, раскинувшегося на левом берегу Ангары. Две роты повстанцев, перебравшись через реку, вошли в центр города и сумели захватить телеграф. Получив пер-

вый успех, восставшие развернули наступление на гостиницу «Модерн», в которой размещались члены колчаковского правительства. Всю ночь шел бой, но к утру повстанцы казаками и юнкерами были отброшены в сторону рабочего предместья за речку Ушаковку и на этом восстание практически провалилось.

Обыватели могли наблюдать, как бежали по улицам предместья в наступающей темноте в панике затеявшие переворот под натиском казаков. Бегущие толпой люди пытались отстреливаться из винтовок, но выходило нестройно и крайне неэффективно: казаки, проявляя настойчивость, неслись вперед, высекая из брусчатки искры подковами коней, настигали бегущих и яростно выкашивали шашками. Наиболее расторопные из убегających успевали скрыться под мостом и разбегались по льду речки Ушаковка, прятались во дворах предместья. Вскоре бой утих, а на улицах еще двое суток лежали убитые.

Ангара в эту пору еще не встала под лед и парила, словно свежее стираное белье на морозе, коробились забереги отдельными льдинами. Понтонный мост через Ангару, соединявший Глазковское предместье с центром города, оставшись без присмотра, был разрушен осенним ледоходом с обильной шугой, что усложняло ведение боевых действий по усмирению бунтовщиков.

Начальник Иркутского гарнизона, генерал Сычев, решил привести взбунтовавшийся полк к порядку и решительно от-

крыл с утра артиллерийский обстрел казарм на левом берегу. В ответ на активные действия по усмирению восставших генерал Жанен, – представитель Антанты при правительстве Колчака, неожиданно для начальника гарнизона сообщил, что не допустит обстрела и в свою очередь откроет огонь из пушек по центру Иркутска с бронепоезда.

– Это что за выверты! – ревел на заседании с командирами подразделений начальник городского гарнизона, потомственный забайкальский казак генерал Ефим Сычев. – Предатели, шкурники! Что прикажете делать в такой ситуации?

– Выхода нет, придется подчиниться, Ефим Георгиевич! У них сила многократно поболее будет. Если выступят, сомнут нас как кулек бумажный.

– А подавить мятеж почему они не хотят нам помочь? Это их союзнический долг. Удержим власть в городе, они смогут беспрепятственно отбыть на восток, – продолжал бушевать генерал Сычев.

– Своя рубаха ближе к телу. Берегут то, что имеют.

– Сукины дети! Делают из России как из шлюхи, – все что хотят! – Сычев устало выдохнул и прикрыл лицо руками, задумался и с горечью в голосе продолжил, оглядев подчиненных, собравшихся в ожидании распоряжений:

– Да, уж! Загуляла старушка на старости лет! Встряхнется небось, – омолодится!

Выходило, что генерал Жанен и весь корпус чешских и словацких легионеров заняли сторону восставшего пол-

ка против правительства Колчака. Формально это было так, но фактически продиктовано личными интересами, которые сводились к тому, чтобы сохранить в целостности железнодорожные пути, вагоны и паровозы, – все то, что было необходимо для эвакуации подразделений легиона и представителей Антанты из пылающей Сибири во Владивосток.

Перед самым новым годом в порт Байкал пришли, вызванные Сычевым по телеграфу, три бронепоезда атамана Семенова из Верхнеудинска для подавления восстания взбунтовавшихся солдат гарнизона.

Показалось, что гибельную ситуацию в городе удастся исправить, ведь бронепоезда – это сила. Но укрытые сталью поезда были остановлены близ города брошенным на путях паровозом. Едва бронепоезда подошли к возникшей на путях преграде, обороняющие дорогу солдаты чехословацкого легиона открыли предупредительный огонь с крутого ангарского берега. Пришлось возвращать бронепоезда назад и ждать исхода событий на берегу Байкала, намереваясь все же как-то поддержать гарнизон. Но вскоре к станции Байкал неожиданно подошел из Иркутска и атаковал семеновцев мощный бронепоезд «Орлик» чехословацкого легиона, и белокачки были вынуждены уйти со станции в сторону Слюдянки.

Творилось непонятное. Недавние союзники теперь противостояли друг другу, решая свои, как оказалось, несовпадающие по цели задачи. Если Сибирская армия белых билась в основном с большевиками за власть над территорией, то

легионеры ревностно заботились о контроле над железной дорогой, – старательно оберегали путь на восток, как единственный для своего спасения.

Были памятны еще успешные для белых события лета 1918 года, когда удалось предотвратить взрыв тоннелей отступающими на восток красными войсками на станции Байкал.

Станция и одновременно порт Байкал размещается на скалистом берегу озера у самого истока Ангары, а напротив через реку лепился к скалам на узкой береговой линии вдоль Байкала поселок рыбаков Лиственничный. Поселок с Иркутском связывал Байкальский тракт протяженностью в шестьдесят верст, а станцию Байкал – железная дорога вдоль левого берега Ангары. Добраться до станции скрытно можно было только таежными тропами, что удалось отряду урядника Воронкова, отчаянного и расчетливого опытного разведчика, донского пластуна. Удачная скрытая вылазка конного отряда разведчиков со стороны Иркутска позволила разобрать рельсы и отрезать путь красным по железной дороге на восток, а затем уничтожить четыре тонны динамита, хранимые в вагоне. Страшный взрыв разнес станцию в пух и прах, опрокинул часть жилых построек, и в результате красным не удалось доставить и разместить взрывчатку в тоннелях Кругобайкальской дороги. Тем не менее один тоннель близ Култука красные, отходя на восток, успели все же взорвать. Для восстановления подорванного тоннеля потребовалось тогда

три недели напряженной работы, а движение поездов без задержек смогли организовать только к осени.

В январе бои в Иркутске шли вяло: постреливали в городском предместье, в ответ закипала как будто жаркая перестрелка в центре, ей вторила беспорядочная стрельба у реки, и все вновь стихало.

По утру не спешно убирали единичные окоченевшие трупы с улиц: как в основном оказалось не бойцов, а ограбленных, под шумок стрельбы, горожан.

Чехословацкие легионеры удерживали под охраной вокзал и вагонное депо с паровозами, выставив посты на улицах, ведущих к полуразрушенному понтонному мосту и вокзалу, требуя всякий раз не стрелять в сторону железной дороги.

Японцы, закрывшись в глухом дворе частного обширного купеческого подворья у Лагерной деревянной церкви святых Петра и Павла в Глазковском предместье, сидели тихо, усердно занимаясь строевой подготовкой и потягивая местный самогон, за неимением сакэ.

Победы не добились ни восставшие, стремившиеся скинуть власть Колчаковского правительства, ни войска гарнизона. В городе оказалось сразу два центра власти: совет министров правительства адмирала Колчака и Политический Центр, созданный из земцев, меньшевиков и социалистов-революционеров. В сущности говоря, обе стороны были одинаково бессильны и не имели никакого основания считать себя правительствами, ибо каких-либо подчиненных

им органов управления не имели. Многое в городе держалось на рабочих дружинах большевиков, которые до поры отсиживались в подполье, но с активностью пятой армии Тухачевского, напиравшей с запада, все более проявляли себя.

Население держалось пассивно, выживало, выжидая и чутко прислушиваясь, чья возьмет.

Все изменилось пятого января, когда по всему городу были расклеены объявления об отречении от власти Колчака. Блокированный в Нижнеудинске адмирал подписал указ о передаче власти в России генералу Деникину, а на востоке страны атаману Семенову.

Так автоматически прекратилась власть Верховного правителя России адмирала Колчака в Иркутске, а власть формально оказалась в Руках Политцентра. А казалось, для сохранения власти были вполне благоприятные условия, которые определялись поддержкой союзников по войне с Германией, наличием японских войск на Дальнем Востоке и в самом Иркутске. Добавляло оснований удержать власть значительный, в несколько сот миллионов рублей, золотой запас Российской Империи. Столь солидный капитал как приз нежданно упал к ногам Колчака именно в тот момент, когда он пришел к власти и был признан силами Белого движения Верховным правителем России.

Золотой запас был захвачен в августе 1918 года, когда умелыми боевыми действиями и лихим кавалерийским наскоком ранним утром при блеске шашек полковник Каппель

со своими войсками и при поддержке чехословацких легионеров овладел Казанью, выбив на несколько дней из города войска красных.

Весил этот запас более шестисот тонн, оценивался в шестьсот пятьдесят миллионов золотых рублей и требовал значительных усилий для перемещения и охранения: ящики и мешки с золотом занимали сорок поездных вагонов.

Из Казани золотой запас отправили под надежной охраной в Самару, а затем в Омск. Именно в этом городе золотой запас оказался в распоряжении Верховного Правителя России адмирала Колчака, взявшего на себя всю полноту власти накануне.

Через год, когда стало явным то, что власть Колчака пошатнулась, глава иностранной миссии генерал Жанен в Омске перед отступлением предложил адмиралу взять золото под свою охрану, гарантируя его сохранность при доставке на восток. Но что такое гарантии союзников, Колчак хорошо представлял. Адмирал на это предложение отвечал в свойственной ему манере – резко: «Я лучше передам его большевикам, чем вам. Союзникам я не верю».

Этот грубый ответ был, по существу, правильным, так как персональная и единоличная гарантия Жанена не могла почитаться даже минимально достаточной. Хорошо понимал Колчак и то, что, провозглашая лозунг «За единую и неделимую Россию» он выступает против интересов бывших союзников в войне с Германией, для которых сильная и богатая

Россия была не нужна, а золотой запас рассматривался как приз за участие в разделе страны. При этом Колчак полагал, что российское золото принадлежит прежде всего российскому народу и должно остаться в России при любых обстоятельствах, даже не смотря на не желаемую им смену власти.

Предлагая Колчаку взять золото под охрану, и давая гарантии сохранности золотого запаса, генерал Жанен предполагал опираться на военную силу чехословацкого легиона.

Легионеры занимали особое и крайне неоднозначное место в тех, столь запутанных исторических событиях. Сформированные в России для борьбы с австро-венгерской и германской коалицией на фронтах мировой войны, после октябрьских событий, армия добровольцев, перебежчиков и плененных чехов и словаков, ранее служивших в воинских частях Австро-Венгрии, числом несколько десятков тысяч штыков, оказалась не у дел. Позорный вынужденный Брестский мир Совета народных комиссаров с германским канцлером вывел Россию из войны с огромными потерями и встал вопрос о возвращении легионеров на родину. Для решения задачи возвращения, понимая, что в сложившемся в стране хаосе только они сами способны решить свою судьбу, легионеры взялись контролировать единственный возможный путь – транссибирскую магистраль, чтобы морем из Владивостока покинуть Россию. При этом и большевики, и контрреволюционные силы стремились вовлечь чехов и словаков в противостояние, надеясь извлечь свою выго-

ду. В результате исход легионеров затянулся на долгие два года и сопровождался жестким противостоянием со всеми, кто мог помешать им, вернуться домой. Продвижение на восток многотысячной группировки войск сопровождалось грабежами, захватом вагонов, паровозов, ценностей, а также убийствами всех, кто вступал в противостояние с легионерами.

Во время активной борьбы за власть в Иркутске адмирал Колчак находился на железнодорожном вокзале в своем поезде в Нижнеудинске, в пятистах верстах от Иркутска: поезда были блокированы по распоряжению генерала Жанена. Вскоре последовали требования об отречении Колчака от власти и распоряжения об разоружении конвоя.

Понимая, что ситуация складывается крайне неблагоприятно, Колчак в тягостных раздумьях, раздираемый противоречивыми идеями, не решился оставить золотой запас под контролем чехословацких легионеров и уйти с конвоем в сторону Забайкалья и Монголии.

Пытаясь хоть как-то сопротивляться давлению союзников, Колчак решает остаться в Нижнеудинске, силами конвоя держать оборону и не уступать командованию легионерами и генералу Жанену золотой запас. Требовалось дожидаться подхода армии генерала Каппеля, которая была вынуждена двигаться в пешем строю вдоль недоступной для них железной дороге по зимнику, тайге и руслам рек. Отставала армия всего-то на пару недель.

Но в ответ на предложение Колчака к конвою поддержать его предложение, практически все из окружения и охраны покинули адмирала. Потеряв уверенность и оставшись только с горсткой преданных офицеров и казаков, Колчак был вынужден довериться командованию легионерами и генералу Жанен. Союзники заверяли адмирала, что берут под охрану и обеспечат безопасность при передвижении через охваченное боевыми столкновениями Приангарье.

Под охрану чехословацких легионеров передавалось теперь и золото.

Понимая, что утрачивается контроль над российским золотом и зная, как обогатились легионеры, Колчак в последние дни перед отречением направил в таможду Владивостока указание о ревизии багажа выезжающих через порт чехов и словаков на предмет изъятия ценностей, захваченных в России. Приказ Колчака для таможни еще более озлобил союзников, что практически предопределило судьбу адмирала.

Этот неподъемный золотой запас Империи, канувшей в небытие, похоже тянул адмирала на дно, как тяжкий камень тянет утопленника, поскольку, даже потеряв власть, Колчак не складывал с себя ответственности за сохранность золотого запаса – достояния России.

Как только Колчак оказался в поезде практически под арестом, со стороны большевистского Революционного комитета, претендующего на полную власть в Иркутске, поступило требование о выдаче адмирала и золотого запаса. В

противном случае представители большевистской власти в городе грозились взорвать байкальские береговые тоннели и мосты.

Теперь в штабном вагоне генерал Морис Жанен и командир чехословацкого легиона генерал Ян Сыровы обсуждали варианты дальнейших действий, учитывая сложнейшую ситуацию с дорогой вдоль Байкала.

Жанен информировал Сыровы:

– До нас дошла информация, что генерал Семенов приказал приготовить вагон со взрывчаткой, который стоит на станции Половинка. При вагоне постоянно находится группа саперов и как только поступит приказ, – вагон загонят в тоннель и взорвут. В этом случае дорога будет перекрыта на очень длительный срок. Вот такие наши перспективы.

С другой стороны, – продолжал Жанен, большевики прочно держат власть в Слюдянке и Култуке. В этих пунктах у них крепкое подполье в железнодорожных депо. Власти надлежащей там нет, и никто не способен помешать большевикам сделать то же самое на южной оконечности Байкала в районе станции Ангасолка. Есть информация, что мост через речку и распадок у станции могут заминировать. По мнению наших специалистов, восстановить мост в этом месте быстро не удастся – распадок достаточно глубок.

– Смотрите, генерал, – Жанен развернул перед Сыровы карту Прибайкалья с черной линией Транссибирской магистрали, – дорога на расстоянии около ста километров очень

уязвима: десятки тоннелей, мостов, скалы и практически полное отсутствие другой альтернативной дороги.

– Ситуация скверная. Что предлагаете генерал? – отозвался генерал Сыровы, оглядев карту с железной дорогой вдоль Байкала и подробными сведениями о туннелях.

– Наш план прибрать золото и выйти вместе с ним на восток видимо не состоятелен: мы упустили время, а этому способствовал Колчак, – продолжил Жанен, скривившись как от зубной боли, вспомнив последнюю встречу с адмиралом.

– Колчак многое предопределил, долго задержавшись с отъездом из Омска. Я предлагал ему взять золото под свою, то есть нашу охрану, когда еще в октябре уезжал из города. Остаться там было уже небезопасно. Но Верховный отказался и был крайне решителен. Все мои доводы он исключил и даже высказался о том, что скорее передаст золото большевикам, чем нам, его союзникам. Я впервые от него слышал столь резкую брань в отношении союзнических сил. Назвал нас «дешевой мыльной опереткой в стиле Мулен-Руж», – Жанен криво усмехнулся и продолжил:

– Теперь власть в Иркутске переходит в руки большевиков и убедить их пропустить поезд с золотым запасом конечно невозможно. Нужно учитывать, что часть дороги вдоль Байкала ими прочно контролируется.

– Похоже, Колчак вел дело именно к этому, учитывая его позицию еще в Омске, – высказался Сыровы и подумал,

что Колчак прав про театр, если учитывать, что многие в этом представлении играют часто не свои роли, а реплики их сплошь фальшивы.

– Я этого не то, что не допускаю, но понять это невозможно. Ведь в этом случае Колчак обречен. Теперь он не сможет вырваться, и мы будем вынуждены его выдать. В противном случае железная дорога для нас будет закрыта.

– Насколько я знаю, адмиралу были даны заверения союзников о его безопасности и нам следует подумать о сохранении лица, – ответил Сыровы.

– «*A la guerre comme, a la guerre...* – на войне, как на войне», – так кажется, будет по-русски, прикуривая сигару и пуская дым, ответил Жанен. – Приходится чем-то жертвовать, чтобы добиться генеральной победы или по крайней мере выйти сухими из этого болота. И потом, насколько теперь сам Колчак нужен нам как политическая фигура? Золотой запас практически в руках большевиков, каких-либо уступок по территориям он нам не подтвердил. И какова цена этих уступок, когда его Сибирская армия бежит на восток со скоростью напуганного, израненного оленя.

– Да, Вы правы генерал, выбор у нас только тот, что нужно или передавать Колчака Советам, или вступать в бой с большевиками и потерять на время железную дорогу. Ведь генерал Каппель со своей армией на подходе. Он наверняка возьмет Иркутск, а с его помощью мы пробьемся на восток, – продолжал размышлять Сыровы о вариантах решения про-

блемы.

– Вы ошалели, Сыровы? – гневно отмел последний вариант Жанен, – я Вам твержу, что тоннели у Байкала и мосты заминированы. Или вы хотите провернуть войсковую операцию и захватить все тоннели и мосты раньше, чем они превратятся в груды камней?

– Посмотрите, – Жанен ткнул пальцем в карту, – их там десятки, а вся дорога протяженностью в сто километров идет вдоль скал, которые можно просто обрушить нам на головы умелым взрывом.

– Да, я понимаю – наши возможности в противостоянии крайне ограничены, – сжав губы, ответил Сыровы. Кстати, о Каппеле. Этот идеалист прислал мне депешу с вызовом на дуэль! Каково!? Это он в отместку за задержку поезда Колчака в Нижнеудинске. – Узнаю Каппеля. Человеку под сорок, а он еще полон благородных юношеских порывов. Смешно.

Жанен, потягивая сигару, задумался, очевидно, что-то припомнив:

– Странные они эти русские офицеры старой закалки. В них столько чести и колкости, что из них можно плести бесконечной длины колючую проволоку. Вот новая формация офицеров, что пришли уже после войны в армию, намного практичнее и все сплошь циники.

– Так и есть, генерал, – ответил Сыровы, – а еще пьянь несусветная. Этих можно купить за полтинник или за литр хорошего коньяка.

– Так, что? Решено? Колчака сдаем Политцентру в обмен на гарантии нашего беспрепятственного прохода по железной дороге? – стал подводить итог разговора Жанен.

– Да. Я думаю, это единственный для нас приемлемый вариант. Опять же встретиться с Каппелем тоже не хотелось бы. А то учинит разборку, потребует реляции от нас. Он зол, решителен, – будет это неловко. Хотя если поразмыслить, приказ о задержании Колчака на станции в Нижнеудинске отдали вы, Жанен. Может предложить Каппелю стреляться с вами, – усмехнулся Сыровы, потягивая сигару.

– Нет, уж увольте, Сыровы. В эти ребяческие игры я играть не намерен. В молодые годы юнкерства выполнил отведенный лимит на дуэли.

Так свершилось предательство союзников во имя собственных интересов. Чехословацкие legionеры, любой ценой желающие обеспечить свой проезд через опасный прибайкальский район, не раздумывая согласились с требованиями представителей власти большевиков в Иркутске. Сделка между Политцентром, большевиками и чехословацкими legionерами состоялась в штабном вагоне генерала Жанена при участии генерала Яна Сыровы.

Двадцать первого января Политцентр в Иркутске прекратил свое существование, а власть в городе полностью перешла в руки Иркутского военно-революционного комитета большевиков.

В начале февраля председатель Иркутского ревкома Ширямов подписал с чешскими legionерами соглашение о беспрепятственном движении поездов через Иркутск и по Кругобайкальской железной дороге.

Золотой запас был также отправлен под охрану большевистского конвоя после ареста адмирала и хотя бы в этой части намерения Колчака сбылись. Возможно, в этом и был смысл жертвы адмирала Колчака – исключить разграбление золотого запаса России союзниками и передать его тем, кто входил во власть страны основательно и надолго.

Конечно, с трудом представляется, что Колчак все это просчитал и предвидел. Но как известно мощный внутренний интеллектуальный посыл имеет свойства материализоваться и нельзя исключить того, что мозг на подсознательном уровне просчитывает варианты и выстраивает планируемый результат, определяя наши, не всегда до конца осознанные действия.

Ведь мог поступить адмирал Колчак иначе, если бы думал лишь о своем спасении. Например, двинуться навстречу верным ему войскам Каппеля со своим мощным конвоем, бросив золотой запас на произвол и волю случая. Мог, соединившись с армией, направиться на восток в сторону атамана Семенова, думая только о собственном спасении. Золотой запас воистину погубил его.

Войска генерала Каппеля, вынужденные пробиваться через заснеженные просторы сибирской тайги, не только не

успели спасти своего идейного предводителя и воинского начальника, но и ускорили его гибель, напугав новую власть в городе стремительным броском на Иркутск.

Тридцатого января армия Каппеля разбила высланные на встречу красные отряды у станции Зима и, двигаясь на Иркутск, с ходу взяла Черемхово. В городе казаки разогнали шашками шахтерские дружины и расстреляли местный ревком, выстроив в исподнем на морозе у каменной стены городского сада. При этом дела в армии с вооружением и боеспособным личным составом были крайне плачевными, но присутствовала решимость взять город и освободить Колчака. Через неделю Сибирская армия вошла в пригород Иркутска.

Генерал Войцеховский выдвинул оборонявшим город ультиматум с требованием освободить адмирала и арестованных с ним лиц, а также предоставления фуража и выплаты контрибуции, обещая обойти в этом случае город стороной.

В эти дни, когда Сибирская армия уже толкалась на окраинах Иркутска, выбирая последний фураж в скудных закромах сельчан окрестных деревень, в тюрьме состоялся последний допрос адмирала Колчака, а вечером было принято поспешное постановление Иркутского Военно-революционного комитета о его расстреле.

Из Москвы от Ленина, как отклик на известие о задержании Колчака, пришла директива с зашифрованной подписью

и с характерным стилем Ильича о необходимости сделать все «архинадежно... при угрозе Каппеля».

Одним из скрытых мотивов советских руководителей в Москве было желание уничтожить, может быть, одного из главных свидетелей страшного убийства царской семьи и близких к ним людей в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге. Ведь именно Колчак приказал создать следственную группу и направил ее для расследования страшного по форме убийства, исполнив то, что не могли сделать с толком с июля 1918 года.

В январе 1919 года адмирал Колчак возложил на генерала Дитерихса общее руководство по расследованию дела об убийстве семьи бывшего императора Николая Романова:

«Настоящим повелеваю всем местам и лицам исполнять беспрекословно и точно все законные требования Судебного следователя по особо важным делам Н. А. Соколова и оказывать ему содействие при выполнении возложенных на него по моей воле обязанностей по производству предварительных следствий об убийстве бывшего Императора, его семьи и Великих Князей».

На основании проведенного длительного и тщательного расследования Соколовым был составлен отчет, в котором убедительно было доказано, что императорская семья убита, трупы расчленены и сожжены, а обезображенные серной кислотой останки, частью брошены в шахту, а частью погребены в полотне дороги.

Выходило, что злодеяние было совершено не единожды, а как бы четырежды, и если математические вычисления способны оценить степень жестокости содеянного, то знак сложения лишь отчасти способен отразить точную оценку. В данном случае процесс физического уничтожения известнейших и значимых для всей России людей, в том числе детей, не повинных в той катастрофе, в которой оказалась страна, переходит в плоскость морали и нравственности, веры и совести.

Через несколько месяцев после январского распоряжения Верховного, увесистый том приобщенных к расследованию документов, собранных Соколовым, был на столе Колчака. Несколько дней документы изучались комиссией и стала понятна ужасающая картина страшного убийства.

Генерал Дехтерикс, ознакомившись с делом и докладывая Колчаку охарактеризовал эти убийства как «особо исключительными по зверству, полными великого значения, характера и смысла для будущей истории русского народа».

В НАЧАЛЕ ПОИСКА ЗОЛОТОГО КЛАДА

После изучения статьи в газете, покой покинул Евгения. Время еще было свободное от занятий и, хотя многое нужно было сделать по оформлению отчета о практике, которую он прошел в местной геолого-съемочной экспедиции, увлекшись молодой человек эти дела отложил. Евгения захватили

поиски таинственного ящика, что тащили и наверняка спрятали казаки у реки, отступая под пулями, отстреливаясь от наседавших на них красных бойцов.

Вернувшись в университет, Женька решил зайти в деканат, где обычно, несмотря на каникулы, просиживал заместитель декана Петр Наумович.

Петр Наумович, был уже человек почтенных лет, многие годы работал именно в деканате и снискал известность среди студентов своим добрейшим к ним отношением и отеческой простой общением. Свои дети у Петра Наумовича выросли и разъехались по всему свету. Жена, к несчастью, скончалась, и оставались в жизни старого преподавателя только его работа и многочисленная студенческая братия, что заменяла и детей, и внуков, питала энергией и задором.

Петр Наумович не уставал наставлять молодых шалопаев, разменивающих время, отпущенное на образование и саморазвитие, на самые разнообразные и извращенные методы прожигания бесценного ресурса жизни и данных им в займы возможностей. Не редко можно было наблюдать сценку по воспитанию очередного проходимца равнодушного к его судьбе Петра Наумовича. Не стесняясь подбирать выражения, старый преподаватель отчитывал:

– Ты мне скажи, чем занята твоя садовая голова? Шалопай! Ты почему опять взялся пропускать занятия? Ты знаешь, обалдуй, моему терпению скоро придет конец, а потом, ой, как пожалеешь! Будешь, проходимец, мерить солдатские

сапоги, а когда очередной раз начнешь мотать свои вонючие портянки, вспомнишь меня!

Студенты не обижались, а даже с гордостью рассказывали, что нынче опять Наумович вправлял мозги: понимали, что замдекана страшно не любит лентяев, но всегда на стороне студентов, стараясь хоть как-то направить на верный путь.

Петр Наумович, в летней светлой рубаше, кремовых брюках и сандалиях выглядел совершенно по-летнему.

Женя вошел, поздоровался с замдекана. Петр Наумович приподнял очки и сощурившись, оглядел вошедшего и, узнав, воскликнул:

– Зимин, ты никак практику уже прошел? И что заявился? Каникулы брат для студента – время золотое! Что не на пляже? На Байкале сейчас, на Малом море – край как хорошо, – шумно-весело, вода теплая, девушки в бикини, рыбку местные рыбаки продают.

– У меня Петр Наумович дело есть. Вот хочу Вас спросить о некоторых исторических, так сказать, процессах на земле нашей сибирской. Такая, знаете ли, иркутская история. Вы же коренной иркутянин, я слышал.

– Вот, как? И что это за новая «Иркутская история» могла тебя так потрясти? – ответил замдекана, опустил на нос очки и отметил строку линейкой в большом журнале ведомостей, который он внимательно изучал.

– Меня интересует гражданская война в наших краях: Колчак, большевики и все такое с этим связанное. В частно-

сти, золото империи, что затырили, сказывают, где-то здесь у нас.

– Ну, брат! Тебя понесло! Из геологов в краеведы подался. Так и бросишь факультет! – шутливо ответил Петр Наумович, снова приподнял очки на лоб и потер переносицу.

– Знаешь, что я тебе скажу. История эта сильно пропиа-рена, конечно. Но понять, отчего так – это можно. Все же золота тогда было очень много у Колчака. Правда умные люди говорят, – а я им верю, что никуда он это золото не прятал и схронов не копал. Было не до этого. А, судя по его характеру и настрою, что-то прятать и выгадывать, не в его правилах было. Прямой был как оглобля, резкий как сквозняк, вспыльчивый и до крайности честный.

Задумавшись и потирая уставшие глаза, Петр Наумович продолжил:

– Как рассказывают знатоки, в частности университетские историки, часть золота, – примерно четверть запаса ушла на оплату поставок оружия и обмундирования, часть потеряна при передаче золота от Колчака через чехословацких легионеров большевикам, захватившим тогда и Колчака, и власть в Иркутске. Часть золота была передана атаману Семенову в Верхнеудинск, – Улан-Удэ нынешний, а тот разместил золото в японские банки и даже перво-наперво имел к этому золоту доступ.

– Из всей этой арифметики выходит, что потрачено Колчаком было не более ста пятидесяти миллионов золотых руб-

лей, переправленных в зарубежные банки в счет поставок вооружения и амуниции. Эта цифра вполне подтверждается бухгалтерией, которую вели в Сибирском правительстве Колчака. Только вот известно также, что на ту сумму, что была вывезена в США, Японию, поставок вооружений практически сделано не было и колчаковцы, призывая новобранцев не могли даже их одеть, обуть и дать винтовку. Так по большей части это золото пропало за границей.

– Однозначно можно сказать, что чехи и словаки, поставленные охранять золотой запас, тогда крепко поживились, – хапнули в России не менее шестидесяти миллионов золотом, не считая другое вывезенное добро и ценности.

– Но все же, как известно из документов, основная оставшаяся часть золотого запаса была передана представителям советской власти в Иркутске и достаточно скоро отправилась в Казань. Это, дай бог памяти, – четыреста десять миллионов золотых рублей. Правда писали, что, когда потом подсчитывали золото уже в Казани в хранилище банка, в некоторых ящиках наряду с золотыми слитками были просто кирпичи и камни. Кто их туда складывал, – следствию осталось неизвестно. Пишут, что миллионов тридцать–сорок при перевозке куда-то подевалось. Это уже провернули прибыльное дельце нечестные на руку люди из большевистского окружения, – тоже ведь далеко не святые были граждане, как показала история государства рабочих и крестьян.

– Вот, в частности, мой приятель историк рассказал, что

стали известны уже сейчас детали операции, при которой золото в объеме двести сорок миллионов золотых рублей большевики по решению Совнаркома отправили за рубеж. Это случилось еще во время войны осенью того же 1920 года. Золото вывезли якобы для закупки паровозов в Швеции и Англии. Все это странно, поскольку все же следовало вкладывать средства в развитие собственных заводов. Ведь Россия сама производила паровозы, а заводы стояли и ждали заказов, в том числе и для ремонта имевшихся уже паровозов, которых по стране было тогда огромное число.

– Но самое забавное в том, что эти заказанные за границей паровозы стали во истину «золотыми», так как документы показали, что контракты не были выполнены и на десятую долю, а потому огромные средства просто остались в заграничных банках. Авторы исследования делают вывод о том, что так большевики формировали партийную казну для своих нужд, на так называемую мировую революцию. Золото использовалось, в частности, для слежки и репрессий за негодными людьми за рубежом, поддержки террористов, коммунистов в Европе и им сочувствующих. Выходит так, что покупка паровозов, это всего лишь операция прикрытия.

– Поэтому вполне понятно стремление советских властей свалить потерю золотого запаса на погибшего Верховного Правителя России Колчака, прикрывая собственные антинародные аферы. Как известно: «На воре и шапка горит!». А золотой запас России – это афера века, о которой до сих пор

мало, что известно и по прошествии ста лет! Ограбили тогда Россию так, что этому только можно подивиться, а сделать уже ничего нельзя.

– Интересно. Но, рассказанное Вами, Петр Наумович, не исключает, что часть золота была кем-то и где-то припрятана. Соблазн-то велик.

– Согласен, Женя. Человек слаб, а от золота вообще теряет рассудок. Вот хотя бы эти чехословацкие legionеры, что оказались в Сибири и как считается, крепко поживились российским золотом. После возвращения из России открыли банк, который так и называли «Легион» и успешно пользовались этим бизнесом. Банк этот существует и поныне.

– А как же им позволили вывести эти богатства из страны, Петр Наумович! – продолжил выпытывать у преподавателя Женя.

– Известно, как. Большевистское правительство направило на запрос начальнику таможни Владивостока телеграмму за подписью Троцкого о том, что разрешают выезд чехам без таможенного досмотра и позволяют вывести все, что они захотят в качестве награды за службу. Вот так! И это распоряжение было дано в противовес указанию Колчака о тщательной ревизии багажа чехов таможней Владивостока, которое он дал незадолго до отречения и казни. Но Колчака не стало и его приказ стал неактуален.

– Вот и посуди, кто радел за сохранение достояния России. Но примечателен еще один факт: распоряжение о бес-

препятственном пропуске таможенной багажа чехов дал Троцкий, который своим приказом о разоружении чехословацкого легиона в 1918 году практически спровоцировал его восстание и начало активных действий, прежде всего, против большевиков. Вот такая сложная история с этой войной, а слова Троцкого о награде за службу вражескому боевому подразделению, только добавляют густоты красок тем событиям.

– Легионеры тогда были перегружены золотом, драгоценностями и предметами искусства, не поддающимся описанию и вернулись домой богатыми героями. В России же они оставили о себе самую дурную славу. Ущерб для России от «помощи» чехословацких легионеров оценивают в многие сотни миллионов рублей золотом: известно, что только из Владивостока было отправлено тридцать восемь пароходов с добром.

– Но получается так, что грабили Россию сто лет назад не только вооруженные иностранцы, но и советское руководство, дорвавшееся до власти.

– Есть такие сведения, что перед отплытием из России к чешскому генералу Сыровы явился курьер и вручил тридцать серебряных монет. Прилагаемое письмо гласило, что это офицеры и солдаты Ижевского и Воткинского полков из армии погибшего генерала Каппеля посылают генералу тридцать Серебрянников, как цену за измену и гибель многих тысяч русских людей. Знаешь историю про Иуду Иска-

приота и о заработанных тридцати серебряных монетах? Вот это об этом.

– Есть мнение, что, если бы не роль чехословацких легионов, которые два года фактически грабили страну, удерживая под контролем железную дорогу, и оказывали этим поддержку красным войскам, то с большевиками белой гвардии удалось бы справиться. Вероятно, это так и есть, коли такие, от большевиков последовали благодарности за службу. И что примечательно, ушли из страны эти легионы только тогда, когда белые силы контрреволюции были в основном подавлены. Напрашивается вывод, а кому было это выгодно, и нет ли в этом сговора по интересам.

– Вообще вся эта история показывает, что интересы иностранных держав и правительства большевиков в России в период гражданской войны совпадали. Одни боролись за власть любыми методами, ослабляя страну, а другие пользовались слабостью страны и грабили ее.

– Да, такие факты нам мало известны, – гнусная история про «братьев-славян». А у нас в Сибири, здесь под Иркутском, как считаете, могли спрятать что-то? – гнул свою линию Евгений.

– Э, брат! Да ты, похоже, заразился кладоискательством! Какие-то сведения раздобыл? – засмеявшись, мелко тряся седой головой, спросил Петр Наумович.

– Да, есть идея, – замямлил Евгений.

– Ну, давай уж «колись», я точно тебе не конкурент, –

снова рассмеялся старый преподаватель.

– Есть, Петр Наумович, старая газета, а в ней я нашел статью и схему, из которой ясно становится, что после ареста Колчака часть солдат из его охраны отступали вверх по Иркуту и тащили с собой тяжелый ящик, а потом он пропал. Казаков преследовали красные бойцы и почти всех перебили, а вот ящика так и не нашли. Вот думаю, а если поискать? Взять георадар, который нам показывали на практике и с ним пройтись по берегу реки. Может, где и отыщем этот клад? А там, точно золото спрятано. Мне мой дед рассказывал, что тогда большая была стрельба возле деревни и как будто нашли пару слитков на берегу уже летом.

– О, брат, да ты и вправду следопыт, – Петр Наумович, – одобрительно улыбнулся и покивал головой. Этого я не знаю. Такие истории могли быть. Война она много сумятицы и неразберихи создает. Думаю, что-то такое могло быть вполне. Правда времени прошло много и конечно трудно представить, что ящик этот где-то до сей поры лежит. Тем более, – сам подумай, убегали под огнем эти казаки, времени спрятать, закопать что-то у них не было. Потом зима, – земля-то мерзлая, выкопать укрытие быстро не получится. Думаю, бросили они свой сундук, а нападающие его нашли и все забрали. Как вариант – могли утопить груз, – дело-то на реке было. Под лед, в полынью спустили – и дело с концом.

– Ты пойми, Женя, – продолжил, несколько задумавшись, Петр Наумович, – как правило, реализуется в жизни самый

простой вариант в хитросплетениях любого сюжета. Почитай замечательные детективы – там так порой накручено-запутано, а преступник, как всегда, находится рядом, почти на виду. Так и в жизни – реализуется самое простое, логичное и менее энергозатратное действие.

– Наверное, Вы правы, Петр Наумович, но хочется попробовать поискать. Что-то можно найти, я думаю. Вот по реке нашей ходил на днях, так нашел медаль старую. А там у нас и каторжники работали, и ссыльные во время войны из Прибалтики лес валили. Много чего происходило. Думаю, поискать, походить. Каникулы хочу провести на реке. И потом, как бы не звучало убедительно о том, что реализуется обычно самый простой вариант, – все же часто происходит и невероятные события в жизни.

– Согласен, Евгений, – мир полон чудес. Например, никто не верил в наличие древней Трои, а непрофессиональный археолог Шлиман внимательно прочел Илиаду Гомера, которой две тысячи лет и, не сомневаясь в успехе, нашел древний город полный дорогих артефактов, следуя описанию событий из данного литературного произведения. Иногда малая осведомленность о предмете помогает достигать цели, поскольку не ведаешь о возможных преградах, запретах и не понимаешь заранее, что все усилия обречены на провал.

– Вот, что я тебе посоветую, Евгений. Поговори с Коростылевым Вадимом Петровичем. Это профессор с исторического факультета – мой старый приятель. Вчера его видел на

входе в университет. Он тоже к деканату на время приема студентов приписан. Вадим этим вопросом, – про гражданскую войну, всю жизнь занимается серьезно. Книжка у него написала – может что-то найдешь для себя. Поговори с ним, может чего он тебе и подскажет. И информацию по ссылкам из Прибалтики ему сообщи. Он такие вещи собирает, переписывается со многими историками в разных странах и республиках бывшего Союза.

– Спасибо, Петр Наумович! Схожу, поговорю. А про ссыльных мало я знаю – ходил по реке и нашел остатки кладбища с крестами из камня и надписями на латинице. Даты смерти на крестах периода войны, имена в основном прибалтийские. Дедушка сказал, что был лагерь у деревни во время войны и люди из Прибалтики лес валили и сплавливали по реке.

– Ну, давай, с Богом! Удачи тебе, следопыт, – улыбаясь, напутствовал Евгения замдекана.

Поглядев вслед своему студенту, Петр Наумович вздохнул, надвинул на глаза очки и снова уткнулся в ведомости успеваемости студентов.

Вадим Петрович Коростылев, в преклонных уже годах профессор с кафедры истории России был обнаружен Евгением в деканате исторического факультета. Перед дверью толпились будущие студенты: в помещении деканата на время приемной компании располагался штаб факультетской

комиссии.

В Вадиме Петровиче еще ощущалась не остывающая страсть к исследуемой ряд десятилетий теме, и сам вид выдавал человека, отрешенного от земных проблем и неурядиц, полностью погруженного в мир гипотез, научных теорий и парадигм. И теперь, в летний период между занятиями, профессор листал толстенную книгу по истории со множеством закладок из цветной бумаги с лаконичными пометками. Профессор прихлебывал чай из чашки, продолжая неотрывно заглядывать на страницу открытой книги, отвлекшись на мгновение на вошедшего в деканат молодого человека. По всему было видно, что какая-то мысль еще не оформилась в голове ученого, свербела и не давала покоя.

Профессор между тем выглядел свежо в светлой рубашке с коротким рукавом и светлых брюках и, если бы не включенная прическа, требующая уже давно усилий парикмахера, задумчиво сосредоточенный вид и сверкающие, поднятые надо лбом очки, вполне сошел бы за дачника.

– Вадим Петрович, у меня к вам есть вопрос по вашей книжке, – начал диалог Евгений, несколько робея перед седым профессором.

– О! Вы читаете мою монографию по истории гражданской войны в Сибири!? Похвально, молодой человек! Но я, помнится, не давал нынешнему курсу ссылку на свою монографию.

Коростылев, продолжая разглядывать Евгения, поставил

чашку с чаем на стол и стал нервно постукивать пальцами, выбивая дробь.

– Но позвольте, я вас не помню, молодой человек! Вы студент моего курса? – теперь уже несколько нервно среагировал на обращение профессор, внимательно и критически оглядывая Евгения, полагая очевидно, что это очередной прогульщик пришел выпрашивать зачет.

– Я не ваш студент, я учусь на геологическом факультете, но мне нужно уточнить кое-какие факты. Мне это интересно и нужно.

– Ну что же, коли нужно..., – профессор усмехнулся, перестал барабанить по столу, несколько удивленно вскинул разросшиеся кустистые брови и кивнув головой, ответил, что готов, так сказать – извольте, задавать свои вопросы, молодой человек.

– Вадим Петрович, меня интересуют события зимы двадцатого года и история с золотым запасом адмирала Колчака. Что Вы можете об этом рассказать? В частности, как планировался вывоз золота, куда его хотели поместить и как потом использовать?

– Да, брат, геолог, – тема не простая, – усмехнулся снисходительно Коростылев, давая понять, что так вот сходу такой вопрос не осилить. Несколько задумавшись, Вадим Петрович ответил:

– Немного об этом сохранилось документов. Но у меня есть кое-какие сведения и своя версия. Причем в книге о ней

мало, что есть. Это так, – мои логически выстроенные, но мало доказуемые выводы.

Вот, что рассказал старый профессор студенту.

Часть золотого запаса была переправлена и помещена в банки Америки и Японии не только как оплата за оружие и снаряжение, но и как средства для поддержания тех, кто после поражения, которое стало очевидным в последние полгода гражданской войны, окажется в этих странах.

Было дано поручение Виктору Пепеляеву – председателю правительства, разработать механизм того, чтобы деньги, спрятанные в банках Америки и Японии, оказались надежно скрыты и выданы только тем людям, которые являются правопреемниками белого движения. С этой целью была разработана схема доверенных лиц, чьи подписи на векселях давали возможность получения денег. Таких лиц было обозначено в количестве трех. Это сам Колчак, Пепеляев и министр финансов или вполне возможно генерал Каппель, которые принесли присягу. Было достаточно подписи одного из этих лиц, учитывая высокую вероятность гибели каждого.

В то же время существовала вероятность гибели всех означенных в списке доверенных лиц, поэтому был в договоре с банком в США указан пункт, что деньги мог получить человек, оставивший на векселе отпечаток специального перстня-печати и предъявивший для экспертизы саму печать, а также кодовое слово, которое также следовало прочесть на кольце.

У банкиров эти особые обстоятельства получения денег трактуются как условия вексель-тратта. При этом сам банк должен подтвердить согласие на выплату. Таким подтверждением является специальная пометка на лицевой стороне тратты – акцепт. Такой пометкой мог быть подтвержденный код или кодовое слово.

Что интересно, печать-перстень состоял из трех колец и только правильно соединенные части образовывали печать в виде овала в орнаменте с двуглавым орлом в центре. На перстне же, то ли изнутри, то ли снаружи можно было увидеть и прочесть кодовое слово. Части перстня были переданы трем доверенным офицерам ставки армии Колчака. Офицеры, возможно, друг друга и не знали. Было условлено о том, что в определенные даты они должны оказаться в банке и передать на хранение свою часть кольца. И вот когда эти части кольца соберутся воедино, каким-то образом должен сработать механизм предъявления векселей. Там что-то еще было про кодовое слово, которое придумал как пароль сам Колчак. Даже были версии, какое слово мог предложить адмирал. Знатоки, споря, чаще всего называли имя Ростислав. Как известно это имя сына Колчака.

Но это все очень поверхностно, а истинного механизма доступа к золоту мы не знаем. Да видимо уже никогда и не узнаем, шутка ли, – сто лет прошло! Тех людей уже точно нет на белом свете и ниточка, что ведет к банковскому вкладу, однозначно утеряна.

Изложив свою версию, профессор горделиво вскинул голову, ровно так, как он это делал, ожидая нападок оппонентов после научного доклада.

Научный спор, особенно в исторической науке бывает порой необычайно острым. И то верно, что история – продолжение политики и то, что историю пишут победители. От такой парадигмы взгляд на исторические события бывает часто не только субъективен, но и часто преднамеренно субъективен и носит характер идеологического противостояния. Глядя на профессора Коростылева, становилось ясно, что историю пишут не только победители в политике, но и такие вот упертые в своей увлеченности ученые, которые легко оперируя фактами строят свою, порой только им понятную логическую линию, которая могла казаться им безупречной.

– Мы этот материал два года назад опубликовали в крутом американском журнале из базы данных Scopus. Так ссылок на эту статью, особенно в Америке, очень много сделано и до сих пор еще ссылаются. Сразу и индекс Хирша у нас подрос, запросы пошли на опубликование от иностранных журналов, в основном из США. Хотите дам ссылку? – горделиво поинтересовался профессор.

– Вадим Петрович, но зачем такие сложности с этим кольцом или перстнем? Какое-то ребячество, право, – несколько растерянно спросил профессора Евгений.

– Э, брат! Это нужно знать Александра Колчака. По своей

сути это был абсолютно искренний в побуждениях человек, готовый на самопожертвование. И конечно он был романтик, любитель странствий, открытий. Но не пустого болтания по свету, а с конкретными научными и практическими задачами. Был он очень увлеченный человек, честный и преданный России. Но честолюбец и идеалист, вспыльчивый и горячий, что мешало ему порой в жизни. Характер был сложный, но порывы искренними. Вот, например, грезил Колчак открытием северного морского пути, постройкой крупного порта в устье Енисея. А будучи в Омске, в сложнейших условиях войны, тем не менее, отправил геологическую экспедицию на Таймыр, чтобы исследовать месторождения угля, с тем, чтобы дать возможность снабжать углем корабли на маршруте по северному морскому пути.

– Заметь, – как современно звучат эти его планы столетней давности.

– Колчак любил придумывать всяческие хитрые ходы еще со времен своего обучения в Морском корпусе, знал отлично физику и математику. Потом он был большим мастером плести хитроумные сети из минных полей, ведь был он по своей военно-морской профессии минером. И делал это искусно: и на Балтике, и позже в Черном море проходу не давал немецким и турецким кораблям. Сам многое придумал в минном деле – был, как сейчас бы сказали, новатором на своем поприще. Американцы и англичане не гнушались и отправляли своих офицеров учиться у Колчака и приглашали

его к себе для работы и обучения минному делу. После революции американцы предлагали ему остаться и преподавать в военном колледже за очень высокое содержание. Мальчишеское в нем не выветрилось и после сорока лет. Был страстно увлекающийся и совершенно искренний в порывах человек. Думаю, что эта задумка его личная. И она, знаешь, не лишена смысла, так как Колчак понимал, что такие заметные фигуры как он и члены его правительства едва ли могут вырваться вместе из России. Вот и придумал наспех такой запасной вариант, чтобы дать шанс его сподвижникам иметь доступ к денежным средствам и поддержать себя и других офицеров, вынужденно покинувших Россию.

– Знаете, молодой человек, – продолжил, несколько задумавшись, Коростылев, – для меня история эпохи кардинального разлома в жизни нашего отечества важна от того, что хочется понять, как могла случиться дикая, совершенно звериная стычка, полная злобы, внутри одного народа. Конечно, случилась эта гражданская война не без «помощи» из вне и полагаю, что это влияние было ой, как существенным. Но нужно признать, что все условия для этого, к величайшему сожалению, мы создали сами, то есть та власть, что столетиями правила Россией. Но все же, как жаль ту патриархальную, но с огромным потенциалом развития Россию. Как бы было мудро не ввязываться в войну четырнадцатого года, а заниматься индустриальным развитием страны, продолжить реформы Столыпина, отказаться от невежества в управлении

губерниями, дать дышать всем сословиям, уgomонив чиновников, упорядочить их произвол. Для меня нет белых офицеров или солдат, нет красных командиров и красноармейцев. Для меня есть русские люди, россияне, граждане одной огромной богатейшей страны, которые вдруг встали и как под гипнозом пошли и стали убивать, а порой просто рвать на части друг друга.

– Полагаю, – Коростылев горестно вздохнул, – сломали в ту братоубийственную войну остов, хребет русской нации, выпустили дух из державы. Многие миллионы были убиты или умерли от голода, вынуждено бежали и стали частью другого мира. Страна лишилась наиболее образованных, активных, несущих культурный код, граждан.

– Насколько сложно понять цепь тех грозных событий, причину их, историческую закономерность, отбросивших страну назад, обрекая на череду тяжелейших испытаний, настолько и хочется в этом разобраться, дать оценку, чтобы хотя бы не дать случиться этому вновь.

– Вот и Вы, молодой человек, теперь вовлечены в это историческое расследование.

– Удачи! – напутствовал молодого человека старый профессор.

КАТАСТРОФА И ПРЕДАТЕЛЬСТВО БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ. СИБИРСКИЙ ЛЕДОВЫЙ ПОХОД

Поражения Сибирских армий вынудили Колчака с остатками правительства Директории покинуть Омск, оставив на растерзание красных худые заслоны и прорываться через охваченные волнениями восточные области Сибири, пролетарский Красноярск.

Две армии Сибирских войск Колчака отступали теперь на восток, двигаясь параллельными железной дороги курсами, и сохраняли боеспособность в отличие от армии генерала Анатолия Пепеляева, которая массово переходила на сторону большевиков.

Вторая армия под командованием генерала Каппеля двигалась вдоль Транссибирской магистрали, не имея возможности в полной мере воспользоваться железной дорогой: чехословацкие legionеры ревностно контролировали единственный путь из России.

Третья армия отступала южнее через Западно-Сибирскую тайгу по узким заснеженным дорогам. Тайга в зимнее время превратилась в ловушку, а отступление в условиях стратегического окружения: с запада преследовали войска двух красных армий, с востока был мятежный Красноярск, к которому стягивались отряды красных партизан; с юга простирались обширные территории, контролируемые партизанской армией Щетинкина, насчитывающей более тридцати тысяч бойцов с артиллерией и пулеметами; с севера простиралась необжитая глухая заснеженная тайга.

Выходило, что оцетинилась Сибирь против Колчака всем

своим жестким естеством, неуступчивым характером.

Красные войска наступали, объявив тотальную мобилизацию и комплектуя свои армии путем активной агитации. Им это удавалось: манили посылками и призывами к расправе над теми, кто мешал получить обещанные блага и свободы. Не согласных и колеблющихся, слабо поддающихся на посылы, отправляли в сборные пункты и в регулярные части под конвоем. В случае неповиновения или дезертирства расстреливали без всякого суда.

Сибирская армия перемещалась, растянувшись длинной лентой бесконечных конных санок с двумя-тремя седоками в тулупах, с винтовками и баулами с провиантом и вещами. На узкой лесной дороге могли разместиться только двое саней в ряд, а если наезженный путь сужался, возникали пробки, обойти которые по глубокому снегу среди леса было невозможно. Приходилось останавливаться и ждать.

По мере продвижения людские потоки редели и крайне сложно было сохранять воинский боевой дух в такой-то неразберихе, отсутствии должного управления и снабжения: люди были голодны, плохо одеты и нуждались в самом необходимом. При вынужденных остановках, которые происходили постоянно, арьергарду приходилось спешно занимать оборону, чтобы прикрывать армию и многочисленные обозы с мирными жителями от нападающих войск красных.

Пути следования отступающих войск армий Колчака были завалены брошенными санями, артиллерийскими орудиями.

ями и обозными повозками, которые передовые части не смогли вывезти из-за катастрофической нехватки лошадей: животные массово гибли от переутомления, холода и голода.

У деревни Дмитриевка боевое арьергардное соединение Уральской дивизии, державшие более суток натиск красных войск, вынуждены были остановиться и расчищать завалы на заснеженной дороге. Пока растаскивали завалы, освобождая дорогу и утопая в снегу по пояс, застрявшие войска почти полностью полегли под огнем пулеметов и были добиты неуклюжим, через снежные топи, наскоком конницы красных эскадронов. Уставшие смертельно уральцы, голодные, без поддержки пулеметов и конницы были порублены и перемешаны со снегом. После дикой, с звериным оскалом на лицах, рубки, поле боя выглядело как снежное, с мелкой зыбью и волной море, на поверхности которого как бы плавали тела порубленных солдат и пенилась на закате волна с красным оттенком.

В котловине у поселка Успенского арьергард Ижевской дивизии белых обнаружил множество трупов, которые были брошены отступающими в обозе: хоронить не было ни времени, никакой-либо возможности. Большинство умерли от холода, ослабленные голодом и болезнями. Раненные солдаты и казаки лежали вперемешку с женщинами и детьми: лица и тех, и других были полны страданий. Тут же в беспорядке валялись трупы павших лошадей, обломки саней, сундуки и ящики со скарбом, брошенные артиллерийские орудия.

Войска были утомлены долгим пешим переходом. Кто-то, вконец обессилив, садился в стороне от дороги и оставался умирать, безучастный и совершенно опустошенный. Войска красных, наступая следом за отходящей армией, двигались порой в пределах узкой лесной дороги по телам сотен полузанесенных снегом людей, некоторые из которых были еще живыми. Умиравшим не помогали, а в лучшем случае обходили стороной, оставляя погибать не под полозьями саней, а медленной мучительной смертью.

Тем не менее, войска сибирских колчаковских армий оставались еще боеспособными: огрызались боями на отходе, цеплялись за каждый изгиб дороги, за каждую деревню, пригорок или овраг, сдерживая напор красных. И было непонятно, что ковало этот боевой дух. Но продолжал стоять солдат и офицер Сибирской армии.

Поезда с Верховным правителем Колчаком едва успели проскочить город, как случился мятеж.

Начальник красноярского гарнизона генерал Бронислав Зиневич вдруг выступил с обращением к местным большевикам о том, что готов подчиниться их власти и встретил своих недавних соратников в штыки. Эта ситуация напоминала спланированную ловушку: отсечь Колчака с конвоем и золотым запасом России от основных сил, и таким образом попытаться влиять на политическую ситуацию.

Третья армия в первых числах января вышла из Западно-Сибирской тайги, сильно поредевшая и практически без

артиллерии, которую пришлось бросить в лесу. Лишь восемь орудий вынесли на своих руках артиллеристы и солдаты Ижевской дивизии. Армия обошла захваченные красными Ачинск и, минуя стороной оцетинившиеся деревни, направилась к Красноярску, где соединилась с армией Каппеля.

Вдоль полотна железной дороги шли войска генерала Войцеховского, которому Каппель поручил выбить из города взбунтовавшийся гарнизон. Но успеха действия войск не имели из-за нерешительности и отсутствия сведений о противнике. Из Красноярска в сторону Дрокино, для преграждения пути, была спешно выслана полурота пехоты красноармейцев с пулеметами, которая заняла высоты к северо-западу от города верстах в трех от него. С лысой горы, что господствовала над долиной и рекой, все открытое в этих местах пространство простреливалось на многие километры.

На противоположном плато собралось несколько тысяч саней с сидящей на них белой армией, подошедшей с запада. Тут же при войске был верхом и командующий Каппель, его заместитель генерал Войцеховский и с ними несколько всадников из штаба.

Прогнать несколько десятков красноармейцев можно было обходом влево с одновременным нанесением прямого удара, о чем тут же был сделан приказ. Однако ни один солдат из саней выходить не пожелал, и все завершилось к ночи только бессмысленной взаимной пальбой без каких-либо последствий. С наступлением ночи, войска пошли в обход

Красноярска. Другая часть подразделений прошла через город по его окраинам, не зная о ситуации в городе. Это привело к тому, что часть отступающих солдат, попала в засаду, и сдалась добровольно Красноярскому гарнизону, еще недавно входившему в состав Сибирской армии.

Части корпуса Каппеля также попали в окружение возле Красноярска, не получив во время сведений о том, что город контролируется предавшими их войсками, и с боем прорывались по окраинам, сминая заслоны красных и неся потери. В этакой неразберихе белые войска потеряли свой последний аэроплан, использовавшийся для разведки.

Аэроплан, что базировался на оборудованном под аэродром поле возле деревни Дрокино, взмыл в небо по приказу из штаба Каппеля для изучения обстановки вокруг города и пробыл в небе без малого два часа. Но когда пришлось возвращаться, аэродромное поле уже было захвачено отрядом красногвардейцев. При посадке летчик Ставрогин заметил подвох уже завершая пробежку, – вдруг увидел красные ленты на шапках солдат и сумел вновь поднять свою механическую птицу в небо. Но далеко не улетел: пулеметный огонь разметал обшивку, заглушил двигатель и аэроплан плавно скользя упал за Дрокинской горой. Ближе к упавшему самолету оказались войска белой армии, и летчик не пропал, а был вызволен из аэроплана.

Продырявленную огнем пулемета механическую птицу бросили, а летчик Ставрогин, прослезившись, вскинул на

плечо кавалерийский карабин, что хранил в аэроплане на случай, если придется совершить вынужденную посадку, встал в строй и зашагал вместе со всеми, слившись с одноликой серой массой. Теперь, размеренно ступая шаг в шаг среди солдат, пилот Ставрогин отличался только тем, что мог представить, как бы он смотрелся с высоты полета над этой заснеженной и заросшей бесконечными лесами местностью среди смертельно усталых и выживающих на морозе людей, бредущих неизвестно куда и с какой целью.

Цель белого движения стала растворяться в этих белых бескрайних снегах сибирского простора, теряла актуальность под натиском красных войск и партизан.

Пушки тащить по заснеженной тайге без дорог было невероятно тяжело. Лошади уже не справлялись, также выбившись из сил без отдыха и добротного корма. Пришлось пушки бросить, а замки и прицелы от пушек утопить в реке. Шли теперь как бы налегке, оставив только самые легкие мортиры, которые можно было навьючить на коней. Корпус сохранял боеспособность и, сменяя заставы красных войск, двигался по бездорожью, не встречая крупных сил противника.

Генерал Владимир Каппель, воспитанный благородным аскетом в семье потомственных военных, бодрил своих усталых солдат:

– Ребятаушки, пушки мы добудем! Не теряйте духа, в этом залог нашей победы! Помните наставления фельдмаршала Суворова, который через Альпы перемахнул и даже без пу-

шек вышел из окружения!

Верили ему солдаты. Знали, что не бросит и не подведет генерал, будет день и ночь думать, как выйти из сложной ситуации, победить и сохранить их жизни.

Перед Каппелем встал вопрос, куда двигаться дальше после Красноярска. Было решено спускаться вниз по Енисею и дальше двинуться по льду замерзшей реки Кан, в обход железной дороги и мест дислокации красных партизан. Кан река порожистая, а берега реки изобилуют родниками и минеральными источниками, что делало лед реки ненадежным. Часть офицеров, опасаясь застав неприятеля на тракте, настаивала, что следует двигаться по Енисею вплоть до Стрелки – месту слияния двух могучих сибирских рек, после чего идти на восток уже по Ангаре. Этот путь представлялся безопасным, но значительно более долгим.

В результате после кратких дискуссий войска разделились: генералы Перхуров и Сукин двинули своих подчиненных по Енисею до слияния с Ангарой и далее пошли в сторону Илима по Ангаре. Следуя этим долгим маршрутом практически избежав боевых столкновений часть армии вышла к Байкалу и преодолев его оказалась в Верхнеудинске в апреле. Каппель повел войска по льду Кана, стремясь не отставать от командующего и двигаться по более короткому маршруту вслед за ним.

Но как оказалось, опасения относительно состояния ледяного покрова реки были не напрасны. Несмотря на сильные,

тридцатиградусные морозы, пороги Кана не замерзли, а по поверхности льда реки струилась вода из термальных источников. Это создавало огромные проблемы. Пороги приходилось обходить по заснеженной тайге, а двигаться по льду, по глубокому снегу, под которым стояла вода, было невероятно тяжело. Люди в пешем строю проваливались в снег до воды, промокали и тут же на морозе покрывались льдом. Мучались и лошади – выбивались из сил, резали себе надкопытные венчики о острые ледяные грани. Обувь тяжелела и идти в ней становилось тяжело до невозможности. Сани, проваливаясь до воды, тяжелели от намерзающего льда, примерзали, что требовало огромных дополнительных усилий. Снег валил сутками и настроение войск было удручающим от усталости и отсутствия ясности в перспективах изнурительного похода.

Именно во время этого перехода Каппель промок, отморозил ноги и тяжело больной, лишившийся в результате операции отмороженных ступней ног, продолжил путь в седле во главе армии, превозмогая боль и тяжелейшее свое состояние, поддерживаемый ординарцами, что следовали рядом неотступно.

Пятнадцатого января армия Каппеля овладела Канском и вышла на Сибирский тракт. За Канском две колонны Сибирской армии неожиданно соединились. Оказалось, что часть войск с обозами под командованием генерала Сахарова, пошла по более короткому маршруту вдоль Сибирского тракта

и успешно прошла двести верст до города, не имея сведений ни о неприятеле, ни о армии Каппеля.

Такое соединение разбросанных отступлением войск позволило создать более боеспособное соединение: походное движение управлялось теперь более четко, появилось снабжение войск провизией. Численность армии составила около тридцати тысяч человек, и этот поток отчаявшихся было людей, теперь уверенно двигался по тракту и успешно вел бои против неприятеля. Появилась надежда возрождения боеспособного белого движения, но было понятно – сил пока хватало только на спасение.

Перед Нижнеудинском возникли боевые столкновения с отрядами противника, но оттеснив красных умелым натиском, двадцать первого января войска Каппеля вошли в город.

От пленных красногвардейцев Каппель узнал, что власть в Иркутске захвачена большевиками, а Верховный правитель выдан новой власти. Каппель собрал последнее в своей жизни совещание, лежа в кровати. Было решено атаковать Иркутск и отбить Колчака.

После Нижнеудинска вел армию генерал Войцеховский: Каппель скончался на марше. Тело своего воинского начальника преданные офицеры и солдаты не бросили, не захоронили спешно, а везли с собой долгие две тысячи верст и предали земле только в Чите, после броска через Байкал и леса Забайкалья. Но в Чите, через полгода, как только пришло

время покинуть и этот город под натиском красных войск, тело генерала не оставили на поругание. Могилу раскопали, и гроб с телом доставили в Харбин, где вновь захоронили с воинскими почестями. И это был не последний путь воина: тело генерала уже в наши дни обрело покой на Родине, на кладбище Донского монастыря в Москве.

Тело генерала Каппеля его соратники не желали предавать земле, помня то нечеловеческое дьявольское отношение к телу героя войн, выходца из простой казачьей семьи, исследователя-путешественника генерала Лавра Корнилова, погибшего в бою на Кубани. В злодеяниях над народом, сам будучи выходцем из глубины этого народа, Лавр Корнилов не отмечен. Стойкость генерала Корнилова в памяти увековечена тяжелейшими обстоятельствами «Кубанского Ледового похода», результатами исследований пустынь Туркестана и Афганистана.

Наученные тяжким опытом гражданской войны, ижевцы, воткинцы, – уральцы, – рабочие оборонных заводов, узнавшие методы новой власти, все оттенки «красного террора», везли с собой тело своего генерала. Везли, охраняли, отдавая честь сотни, тысячи верст, чтобы не дать надругаться, в попытках сохранить священную память и неоспоримое право на захоронение и упокой после смерти.

До Иркутска войска под командованием генерала Войцеховского добрались в ночь, когда были расстреляны Колчак и Пепеляев. На утро весть о гибели адмирала, уже прошла

в войска и главный мотив, атаковать и захватить город отпал.

Иркутск можно было взять, с любой стороны, но на совещании начальник Воткинской дивизии, генерал Молчанов, заявил:

– Войти в город, разумеется, мы войдем, а вот выйдем ли из него, – большой вопрос. Начнутся погром и грабеж, и мы потеряем последнюю власть над солдатом.

Это мнение было решающим и в ночь с седьмого на восьмое февраля войска под руководством генерала Войцеховского и с телом покойного генерала Каппеля в обозе обошли город с юго-западной стороны, и вышли к Ангаре. Красные, как бы в насмешку, послали вдогонку несколько артиллерийских выстрелов, и тем дело кончилось.

Спешно двигаясь по льду Ангары передовой отряд попал в зажор – сложное образование при ледоставе, вызванное быстрым течением реки и сильными морозами. В месте зажора, который возникает на отмелях, местах разделения речного потока, река до конца зимы не укрывается ледовым панцирем и можно провалиться, если сверху непрочный лед присыпан снежком. Передовой отряд со всего хода влетел в гибельное место и на глазах остальной передовой части войска стал тонуть: кони бились в истерике, люди барахтались рядом с ними и скоро несколько десятков лучших солдат, – из авангарда армии, навеки остались на дне реки.

Пришлось уходить с удобного маршрута по руслу реки и двигаться дальше по берегу, по засыпанным снегом лесным дорогам, утопая порой по пояс. Так дошли до Байкала, и круто взяв влево, двинулись вдоль скалистого берега, минуя поселок Лиственничный с тем, чтобы перейти «*священное море*» и попасть на станцию Мысовую. В этих местах по сведениям разведки держали оборону войска атамана Семенова и японский батальон.

Лед на Байкале коварен: множество трещин и нерпичьи лунки-проталины, припорошенные снегом, делали путь по льду на десятки верст крайне опасным. Ледяной ветер и торосы требовали невероятных усилий. Плохо кованные лошади скользили по льду и падали, отказывались вставать и идти дальше.

Вереница обозов и бредущих под шквалистым ветром людей растянулась на многие километры. Весь путь по озеру был усеян брошенными повозками, павшими лошадьми и людьми.

В какой-то момент пала лошадь, везшая гроб с телом генерала Каппеля. Кто-то предложил опустить тело в Байкал, мотивируя предложение тем, что не доберутся в этом случае «*большаки-лешаки*» до славного генерала, однако большинство выступило против. Сменили лошадь, и Каппель продолжил свой последний путь со своей армией. Незримо дух генерала Каппеля питал волю и надежду разбитого, но не поверженного еще белого воинства.

Двенадцатого февраля передовые части Ижевской дивизии вышли к окраинам станции Мысовой на берегу Байкала, где были встречены частями японского экспедиционного корпуса. Настороженные японцы, выстроившись у берега, заваленного льдом, молча наблюдали за бредущими мимо изможденными людьми, но с оружием и в строю, невольно соизмеряя священный для них дух бусидо и тот великий стоицизм, что являло увиденное ими. Весь день части армии и обозы выбирались на берег Байкала и сосредотачивались на берегу. В этот день через озеро переправились около тридцати тысяч человек, из которых практически все были обморожены, ранены, простужены или страдали от тифа.

В тот же день на станции Мысовой под перезвон колоколов отслужили первую панихиду по генералу Каппелю. К часовне над Байкалом солдаты и офицеры, имевшие честь служить под знаменами полков армии генерала Каппеля. Пережив тяжкое испытание, тяготы ледового перехода, гибель товарищей и понимая всю неопределенность своего положения, эти люди чтили своего командующего, преклоняя в знак величайшего уважения колени и изрядно поседевшие в походе головы.

Из Мысовой отряды Сибирской армии, отправились в Верхнеудинск, а затем в Читу. До окончания зимы в Забайкалье небольшими группами вышли еще тысячи офицеров, солдат, казаков и мирных беженцев.

Этот путь будет назван Великим Сибирским Ледяным по-

ходом, по аналогии с Ледяным походом Добровольческой армии генерала Лавра Корнилова на Кубани. Продлился этот тягостный путь с ноября до апреля, на три тысячи верст от Омска по полному бездорожью, снегам, тайге, руслам рек и Байкалу в сильнейшие морозы, в боевых столкновениях, в условиях тягостного выживания.

Так завершился великий исход русского воинского и гражданского духа, великий перелом и великая мука истерзанной непосильной ношей непонимания, горя и отчаяния, страны, раздираемой противоречиями. Русский дух выдавливался прессом большевизма. Растекалась по миру русская душа, удаль и ум великого народа. Мир принял их и стал лучше, но безмерно потеряла Россия.

КАЗАЧИЙ ИСХОД. ПОИСКИ СПАСЕНИЯ

В первых числах марта 1920 года по еще крепкому льду Иркутск со стороны города в деревню Шаманка нагрянул под вечер отряд верховых числом в четверть эскадрона.

Это были опытные казаки из охраны адмирала Колчака, что маялись который год, не выбравшись окончательно из одной войны с германцем, как попали на другую, жестокую и казалось бесконечную по срокам.

Казаки, укутанные по глаза в башлыки, в длинных заснеженных шинелях с карабинами за спиной и большими мешками с провиантом, теплыми вещами и оружием, приторо-

ченные к седлу позади всадника, молча и сосредоточенно вошли в деревню на усталых заиндевелых на морозе конях.

Кони фыркали, пытаясь сбить намерзающий на морде и ноздрях лед, и устало брели, переступая, семена, понуриив головы, прикрывая усталые глаза ресницами с бахромой из мороси.

Впереди отряда суетился на резвом мерине сотник Кондратий Хватов, который вел себя нервно, покрикивал на казачков и вертелся на своем коне, выбивая копытами снег. На Хватове ладно сидела серая папаха с бело-сине-красной кокардой и овчинная армейская куртка-бекеша. Из-под папахи выбился длинный, свалывшийся в долгих скитаниях русский казачий чуб. На руке Хватова на петле висела нагайка, сбоку на поясе шашка. Потертый боевой карабин был ловко приторочен к седлу.

Хватов был из местных. Крепкий, коренастый молодой мужик, с круглым обветренным и обмороженным лицом, на котором красовались рыжеватые усы и гуляла улыбка, которая в сочетании с недобрый прищуром светло-голубых глаз, создавала образ симпатичный, но несколько настораживающий. И то, правда. Стоило вступить в разговор с сотником, сразу слышался в голосе скрежет металла. Губы кривила усмешка, в которой читалась ирония и недоверие к себе-седнику.

Такая манера общения у Хватова сложилась за годы войны, когда приходилось самому быть в числе рядовых и выне-

сти многие тяготы окопной жизни. Продвинувшись по службе, став командиром над казаками, сотник усвоил, что для влияния на подчиненных следует всегда быть придирчивым, жестким и непредсказуемым в своих действиях. Жизнь научила – надеяться можно только на себя, а рассчитывать на реальную поддержку служивых и так же многому наученных казаков – дело пустое. Особенно понятно это стало теперь, когда погнали красные войска белые отряды, и нужно было думать, и искать тот вариант, что позволял бы сохранить жизнь и отыскать какую-никакую перспективу в этой самой жизни.

Таких как Хватов, опасались за резкость и непредсказуемость рациональных и жестких действий, а значит, уважали, – точнее боялись, а потому слушались и спешили исполнить сказанное даже спокойно в полголоса, как просьбу, потому что, если ослушаться, в другой раз тебе это припомнят и обязательно накажут.

Повоевав с крепким германцем и более хлипким австрийцем, Хватов, вернулся в деревню после службы вахмистром, серьезно продвинувшись по службе. А когда грянула революция, вскоре снова отправился на фронт по призыву уже в белую армию и при отсутствии достойных и опытных командиров вырос до сотника. В белую гвардию Хватов отправился по убеждению: как-то ему сразу было понятно, что все эти лозунги про свободу, землю и волю, просто козыри в руках шулеров, взявшихся перекраивать вековой уклад. Не верил

Хватов, что кто-то кому-то отдаст хоть толику по доброй воле. Чтобы хоть что-то, хотя бы самую малость дать, это что-то нужно было отнять у другого. А в чем тогда смысл? И как только в деревне возникли первые Советы с голытьбой во главе, Хватов не стал испытывать судьбу – собрался наспех и в ночь ушел из деревни в войска.

Теперь, оказавшись во главе отряда, Хватов направил казаков в знакомые места, намереваясь выйти из западни, что устроили красные и чехословацкие legionеры, перекрыв основные пути отступления на восток. Путь этот – узкое горлышко вдоль отвесных берегов Ангары и Байкала по знаменитой Кругобайкальской железной дороге, что протянулась на сотню верст по вырубленному в скале карнизу вдоль обрывистого крутого берега к стылým водам великого озера. Дорога изобиловала десятками протяженных и коротких тоннелей, множеством арочных мостов, опорных и водотводных стенок и даже в обычном своем состоянии и хорошую погоду представляла для поездов непустячное испытание: скорость движения была строго регламентирована, а машинисты напряженно смотрели вперед, опасаясь камнепадов с отвесных скал.

Путь казакам предстоял не близкий, и первый его этап включал выход по льду реки и таежным тропам к южной оконечности Байкала в обход Кругобайкальской дороги, а далее на восток вдоль отрогов Хамар-Дабана и берега Байкала. Предполагалось, что там, на этом участке железной дороги,

еще сохранилась власть белой гвардии и казаков атамана Семенова.

Как только вошли в деревню, Хватов сразу отрядил деревенского старосту развести казаков по избам, а сам направился в родной дом к родителям и молоденькой еще совсем сестренке, которых не видел уже почти два года. Сотника ждали у ворот. Матушка кинулась к сыну и плача сходу взялась рассказывать семейные новости, да напасти. Отец подошел степенно и крепко обнял сына, явно гордясь им. Сестренка подскочила последней, повисла на шее брата, вела себя шумно, и было видно, как она рада и ждет гостинца. Кондратий не стал медлить, и только вошли в дом, достал припасенные подарки: маме теплую шаль, сестре платочек шелковый китайский и брошь с малахитом, а отцу кисет расписной, туго набитый отменным табаком и тут же тихонечко подсунул наган, давая понять, – бери, батя, времена нынче лихие – пусть будет. Отец несколько отпрянул при виде столь неожиданного дара, но взял оружие и, укутав его в тряпицу, убрал в нишу за печкой.

Среди казаков выделялись добротной формой и осанкой три офицера и упряжь из двух лошадей, управляемые верховым солдатами, которые несли подвязанный между лошадьми груз. Сотник за ними присматривал особо по поручению штабс-капитана Соколовского, зная, что это офицеры со специальным поручением штаба, о сути которого они не скажут никому.

Штабс-капитан Соколовский, был личным порученцем Колчака и отвечал за груз в поезде, в том числе и за золото. Внешность Соколовского сразу выдавала в нем старого служаку: подтянутый, сосредоточенный, всегда в свежей сорочке, краешек которой выглядывал из-под ворота мундира, в выглаженных галифе и тщательно вычищенных сапогах. Лицо штабс-капитана, ухоженное, в пенсне, с небольшой бородкой клинышком и щеточкой усов указывало на хороший вкус, образование и принадлежность к представителям потомственных дворян Российской Империи.

Перед арестом адмирала в Иркутске Соколовский едва успел снять с поезда часть вещей и архив адмирала и с несколькими офицерами из окружения Верховного прикнуть к Иркутскому гарнизону в ожидании того, как решится судьба Колчака.

После известия о гибели Колчака пришло время покинуть город тем, кто до последнего был с адмиралом. Самый короткий путь по железной дороге на восток был перекрыт, а соединиться с войсками генерала Каппеля, стремительным броском обошедших город и смятая заслоны красных, ускользнувших за Байкал, не удалось.

Эскадрон, вымотанный зимней дорогой, был в пути уже вторую неделю, рыская в поисках выхода из окружения. Отставшие от основных отрядов казаки решили идти к станции Култук по льду Иркуты с тем, чтобы уже за станцией выйти на тракт и железную дорогу в обход Байкала. Если же дорога

будет захвачена врагом, оставалась возможность спуститься на лед Байкала и идти вдоль берега на восток. В эту пору лед на озере был еще крепок.

Вот в таком состоянии полного разочарования, раздумий и неуверенности передвигались по льду реки казаки и офицеры, чтобы спасти себя, ведомые знатоком мест сотником Кондратием Хватовым.

В деревне, переполошив собак, изводящихся в лае, казаки разместились во дворах, на которые указал Хватов. Казаков распределили по соседним избам, организовав постели прямо на полу, на которых и разместились вповалку. Время было позднее и вымотанные дорогой люди, едва перекусив, уснули. В избах с прибывшими новыми постояльцами сразу распространился резкий мужицкий дух пота, табака, кожи и машинного масла. Господ офицеров с секретным грузом и охраной принял у себя староста в просторном своем доме.

При вхождении в Шаманку отряда колчаковцев деревня насторожилась, затаилась и ошетинилась. До глубокой ночи не спали мужики, все ждали – не пойдут ли по дворам шкодить прибывшие. Но поначалу обошлось: ночь прошла спокойно, и наступил морозный, в инее на избах и деревьях, в густом тумане, рассвет.

Утром, едва рассвело и дымы из труб выстроились, устремившись в высь, чем оживили зимний пейзаж, выпавшиеся и отогревшиеся казаки взялись навестывать упущенное: потребовали накрыть стол и подать непременно самогона, да

затопить баньку.

На столе появился мороженный розоватый на срезе увесистый шмат сала с кристаллами крупной соли, аккуратно завернутый в белую ткань, пара хлебных караваев, десяток золотистых луковиц. В тазике торчала айсбергом и таяла большущая белая шайба замороженного молока. К столу хозяйка подала и чугунок свежесваренной, парящей и источающей аромат, картошки.

Усевшись за стол, казаки вопросительно посмотрели на хозяйку, – вдову, уже не молодую, и та, быстро сообразив, извлекла из подпола бутыль с самогоном. Казаки дружно рассмеялись и судача отметили, что приятно остановиться у столь сообразительной хозяйки. Женщина в ответ зарделась и смутившись, быстренько ушла с глаз долой разгулявшихся мужчин.

Под одобрительные и сальные шуточки казаков хозяйка скрылась за печкой, где и сидела теперь в основном с притаившейся там девкой лет пятнадцати, которой было и любопытно происходящее в их избе и в то же время одолевал страх: мамка наговорила строгостей и предостережений, требовала ни в какую не вступать в общение с пришлыми, опасаясь, что снасильничают малолетку. Девчонка тем не менее храбрилась и порывалась все выскочить, показаться лишней раз пришлым людям, но мамка одергивала девку и заставляла сидеть тихо.

– Не нарывайся, Ксюха, – цыкала на дочь мамка, а мо-

лодая, ощутив одобрение казаков ее показной решимостью, все более вела себя так, как не подобает, по мнению матери, себя вести скромной девушке среди чужих мужиков.

К обеду неожиданно прибывшие гости уже были изрядно пьяны и разбрелись по избам, в которых остановились казаки для общения и долгих разговоров. Теперь сидя по домам деревенских, казаки сокрушенно размышляли о том, что их ждет впереди. Ситуация складывалась так, что исхода их службе видно не было. Заговорили было о том, что пришла пора кинуть эту службу и отправиться по своим домам, а то, не ровен час, господа офицеры заведут их в такую переделку, что и ног не смогут унести.

Но возникли сомнения. Сомневающиеся заявили о том, что здесь среди тайги будет сложно найти нужную дорогу и следует довериться знающему сотнику Хватову, чтобы вывел он казаков к железной дороге. Рассчитывали, что за Байкалом атаман Семенов со своими казаками сдерживает красных и они смогут или примкнуть к ним или двигаться дальше самостоятельно.

– А язык, как известно, и до Киева доведет, – завершил разговор урядник Запашный.

– И не только до Киева доведет, и до могилы проводит, – продлил мысль урядника, как выдохнул, сидящий у печи, угрюмый с обвисшими усами казак Родион Хопров, который маялся который день желудком и от того имел крайне болезненный вид.

Казачи в ответ на остроту Хопрова, невесело рассмеялись.

Сокрушаясь над своим положением, старый казак Селезнев тем не менее балагурил, понуро склонившись над столом:

– Раскудрит твою канитель – расплескали мы купель, прогневили небеса – нет нам веры, нет креста!

Сидор Крайнев, молчаливый уралец, вдруг тяжело вздохнул и изрек, как бы для себя:

– И Господь нас покинул. Не чую я нынче поддержки Святой Троицы – молись-не молись. Может и нет ее вовсе?

– Святая троица? – оживился Хопров, – нет, брат Сидор, в этом что-то есть. Как только возьмусь выпивать, да третью стопку пропущу – все как будто отрезало – более не хочется. Но вот как только на четвертую – чертовку совращусь, – все, считай очухаюсь только дня через три! Чуешь, Сидор, – через три!

Казачи дружно рассмеялись.

– Да, брат Селезнев, тут ты прав, что-то в последний год у нас все пошло не в лады. Красные потрепали за загривок да погнали нас, как белок по тайге гоняет добрая лайка, – понуро продолжил разговор урядник Запашный, штопая порванную гимнастерку и прилаживая погон с широкой полосой.

– Раскудрит твою коромысло, как не гляди – все криво вышло, – продолжал свою унылую линию шуток-прибауток Селезнев в ответ на реплику урядника.

– Вот, что мы тут сидим? И куда нас завтра поведет сот-

ник? Бегем от самого Омска. А далее куда? Гуторят в Китай. А что там я среди этой нелюди смогу найти? Дома уж заждались. Тебе вот хорошо, ты забайкальский, чем дальше идем, тем ближе к твоему дому. А я-то, куда бегу, коли моя хата на Енисей-реке.

– Эх, браток ты мой Селезень! И то, правда, – ходим мы по тайге энтовой, как воши по складкам и швам одежды. Нет нам исхода, нет надежи, – высказался Запашный и продолжил:

– Вот чую я, что скоренько надоест мне эта канитель лесная в скитаниях без цели и смысла, да подамся я к дому. Так уж хочется прижаться к некоторым местам бабьим, что сил уже нет силы ожидать, и чтобы своя баба была, а не чужая приبلуда привокзальная, – закончил Запашный, мечтательно прикрыв глаза и разулыбавшись видению.

– Энто к каким таким местам прижаться желаешь? – спросил с хитрой ухмылкой Никифор Скорцов – забайкальский казак, разглаживая порыжевшие от дыма папирос кончики усов.

– Да ясно к каким, – заповедным, – ответил, блаженно растягивая слова и прикрыв глаза Запашный.

Дружный смех казаков стал тесен для горницы деревенского дома. В другой комнате, за печкой заплакал младенец.

Кто-то из пришлых, перебрав самогону, прикорнул у стола, уронив отяжелевшую голову на руки. Кто-то засмолил самокрутку. Хата наполнилась сизым дымом.

Из угла, где сидел на полу, на расстеленной с вечера кош-

ме казак Федор Крюков, потянулись тягучие, тяжелые нотки пения и зазвучало грубовато, с надломом в голосе:

– Жизнь-Матушка, ты моя подружка,
ты моя награда, радость, да отрада-а-а-а.

– Жизнь Матушка – злая колотушка,
ты моя невзгода, стужа-непогода-а-а.

– Жизнь Матушка – горечь и утрата –
за судьбу уплата-а-а-а, – уже навзрыд тянул Федор.

Казачьи прислушивались, приуныли, а Федор продолжал тянуть жилы и выворачивать души загрубевших в боевых скитаниях солдат:

– Как по жизни – жалкой укоризне,
следуя невзгоде, я бреду о-д-и-и-и-н.

– Потерял судьбину, я свою былинку,
потерял я нитку радостей сво-и-и-и-х.

– Жизнь-Матушка, – злая побирушка,
ты моя потеря, злая канителя горестей мо-и-и-и-х.

– Жизнь-Матушка, ты моя подружка,
ты моя невзгода – жизни непогода... – ты-ы-ы моя л-ю-
б-о-о-о-вь....

Казачьи примолкли. Каждый из них переживал свою историю, свою личную мелодраму, в которой были и оставленная станица или деревня, и родители-старички, жены, любовницы и детишки, плетень округ усадьбы, да вековой тополь на выезде из деревни. Дети выросли уже за годы отлучки отцов, но каждый из них вспоминая своих ребятишек, пред-

ставлял такими, какими он их оставил, понимая, между тем, что дети у него выросли без отцовского пригляда, и какие они теперь трудно было представить.

Кто-то, вздохнув глубоко, плеснул в кружку самогона, и молча выпивал морщась, то ли от горького напитка, то ли от тяжелых и горестных мыслей.

– Умеешь ты, Федя, душу разбередить, – ответил на песню казак Селезнев и продолжил, надорвав газетку и скручивая из самосада сигарку:

– И то правда, сломалась жизнь прежняя. А новая все как-то не народится. Сколько еще будем скитаться? А ведь так хочется хозяйством своим заняться. Мне так и снится, как я вернулся и взялся вдруг поправлять забор вокруг усадьбы. Это та работа, что всегда откладывал на потом, а взялся уже совсем перед призывом в войска, как будто чуял, – уйду надолго и завалится ограда. Да так и кинул, не доделав до конца – не успел.

Федор Крюков был необычным казаком. В войска пошел добровольцем. Сам был из семьи священника, отличался грамотностью и начитанностью, но оказался вдруг безбожником. Так его нарек отец, отметив полное отсутствие желания читать библию и поклоняться святым мученикам.

Но Федор почитал веру и крестился исправно, но читал с малолетства другие книги, в которых писалось про путешествия и плаванья, военные подвиги и героизм рыцарей. С собой Федор таскал старый потертый кожаный портфель,

добытый при случае. В портфеле казак хранил свои записи, которые никому не показывал. Но казаки знали – пишет историю Федор, и относились к этому с уважением, замечая, что, если как свободная минутка затишья выпадает, садится их боевой товарищ и что-то записывает быстрым своим карандашиком. Иногда случалось и такое, – Федор что-то читал для казаков.

– А, что Федор, напишешь книгу о нас, как только вся эта канитель между белой гвардией и большевиками закончится? – вдруг поинтересовался Селезнев.

Федор смутился несколько, и немного подумав, улыбнувшись, ответил:

– Надеюсь, эта война скоро закончится. Но коли так вышло, что эта война и есть наша жизнь, то должны же о ней узнать те, кто будут жить после нас. Нам трудно теперь оценивать величие событий, в который мы участвуем, но, тем не менее, это события очень большого масштаба, события, которые ломают устоявшийся уклад и об этом процессе, его изнанке, нужно оставить свой памятный след.

– Коли жив останусь и до дома доберусь, чтобы можно было сесть и спокойно все записи оформить и обработать, мечтаю непременно написать о нас длинный роман, – закончил свою речь Федор, улыбаясь.

А в доме деревенского старосты Кубаенкова в обширном дворе, обнесенного добротным забором, разместились гос-

пода офицеры.

Среди троих офицеров, выделяющихся среди мешковатых казаков выправкой, старшим по званию был полковник Александр Лаврецкий. Но, тем не менее, сохраняя субординацию, всем распоряжался штабс-капитан Николай Соколовский, получивший распоряжение от самого Колчака сопроводить груз до ставки белых войск и передать все вывезенное в штаб. Выправкой среди их высокоблагородий выделялся подполковник Иннокентий Ракитский, штабной офицер, который без объяснения причин вместе с Александром Лаврецким по приказу Верховного встал в строй и отправился вместе с эскадром казаков искать удачу на таежных тропах. Теперь тщательно выбритый в чистой нательной рубашке Лаврецкий сидел, накинув одну ногу на другую в начищенных до зеркала сапогах, и курил с наслаждением, потягивая ароматную папиросу «Салье».

Штабс-капитан Соколовский знал, что господа офицеры связаны с контрразведкой армии Колчака, и не доверять высокому их положению и назначению у него не было оснований. Ему было только сказано, что и Лаврецкий и Ракитский имеют особое поручение от главнокомандующего, а ему поручается за ними присмотреть, да подсобить на марше.

В доме под охраной постовых, офицеры отдыхали достаточно комфортно и сытно. С ночи едва перекусив, офицеры уснули, утопая в огромных пуховых перинах на кроватях в горнице. А утром, очнувшись от глубокого, близкого к обмо-

року сна, тщательно помывшись в протопленной утром бане, побрились и облачась в свежие сорочки, наслаждались покоем и теплом.

Староста, быстро оценил уровень и значимость постояльцев, тут же распорядился готовить еду поизысканнее. На стол были выставлены соленья, моченая брусника, сало, свежий хлеб и чудом сохранившаяся с давних времен бутылка коньяка. Коньяку офицеры были особенно рады. Прекрасный ароматный напиток благотворно повлиял на укрепление духа уставших от перехода и холода офицеров. Долгая дорога в седлах давала о себе знать: офицеры простыли, и особенно одолевал кашель Лаврецкого. Но за ночь пропотев, полковник с утра выглядел сносно здоровым, а после коньяка раскраснелся и даже собрался пойти прогуляться по морозцу.

Сотник Хватов, понимая, что времени на отдых иркутские комитетчики им видимо не дадут и отправят вслед отряду свою боевую группу, решил, что суток им хватит, чтобы отдохнуть, а потом обязательно нужно уходить. Свои соображения он донес штабс-капитану Соколовскому и, посоветовавшись, они решили, что завтра с утра нужно выступать.

– Согласен, сотник. Незамеченными нам пройти не удалось. Пришлось пострелять у поста на выходе из города, а значит, в курсе наши оппоненты куда мы направились. Думаю, и про груз наш они осведомлены, – ответил на слова

Хватова штабс-капитан.

– Да, тихо пройти было нельзя. Там у них пост был скрытно поставлен, – заметили, – отвечал, потупившись Хватов, вспомнив отчаянную перестрелку, когда ранним утром, еще в полутьме рассвета наткнулись они на пост, укрытый крутым обрывом на изгибе реки и густым лесом. Тогда пришлось прорываться в отчаянной скачке, подавляя огонь с поста из ручного пулемета. Пулемет был американский крупнокалиберный, скорострельный и его удалось выкупить с несколькими ящиками патронов за золотой брусок у чехословацких легионеров. Бил он так, что молодые березы и тонкие лиственницы срезал невероятно плотный огонь. А при попадании в тело солдата шансы на выживание были минимальны: отрывало конечности и такие оставляло раны на теле, что свободно мог пройти кулак на выходе пули из тела.

Между тем казаки, отдохнув и разомлев от самогона, повели себя развязно.

Из хат стали слышны крики и уже из одной избы, с высокого крылечка выскочили, размахивая кулаками, хозяин двора и пьяный казак. На крыльце рядом с пьяным казаком стоял с белым, как снег, лицом молодой совсем еще мужик и рвался кинуться на обидчика. На нем висла молодуха, в разорванной сорочке и широкой юбке, растрепанная с искаженным плачем лицом и не давала ввязаться мужику в драку, с криком и причитаниями:

– Паша! Не встрейвай родненький! Порешат казаки тебя!

Пусть батя поразговаривает с ними!

Хозяин хаты оттолкнул жену и взялся лупить кулачищами умело-размеренно и размашисто едва державшегося на ногах пьяного казака. Казак нескладно отбивался, и плохо ориентируясь спьяну, едва стоял на ногах. Мужик, схватил его практически оглушенного за шиворот, протащил по двору и выбросил за ворота в снег улицы.

Размазывая кровь по разбитому лицу и истошно вопя:

– Бьют, служивые! – казак кинулся, спотыкаясь к коновязи и разглядев, что коня его тут нет, бросился во двор большого дома, где собралось до десятка колчаковцев.

Тут же из двора на улицу вывалились несколько вооруженных казаков, один в исподнем, но в папахе и уже сидя на коне, размахивал шашкой.

Казаки кинулись во двор к обидчику.

Хлопнул выстрел, потом ответный, явно глуше, – видимо из нагана. Вслед тут же в ближних дворах заголосили женщины, залаяли собаки.

Во дворе завязалась потасовка. Прибежавшие казаки свирепо избивали вступившихся за своего родственника мужчин: старого уже седого хозяина подворья тут же ударом по голове опрокинули в снег. Молодого сельчанина, что только что гвоздил казака кулаками, свалили на землю и взялись избивать нагайками, добавляя в запале тугие тяжелые удары коваными сапогами и в ответ на отчаянно отбивающегося мужика, стали забивать прикладами карабинов, до тех пор,

пока тот не потерял сознание.

Из избы вышел на крыльцо совсем старый дед с берданой и в ответ на избиение его младших родственников пальнул над головами собравшихся во дворе казаков. Казаки насто-роженно остановились, но не дав перезарядить ружье, сшиб-ли старика с ног и скинули с крыльца.

На снегу появились пятна крови, и унылая атмосфера на-силия и страха повисла вокруг.

Хватов, услышав хлопки выстрелов, на неоседланном сво-ем мерине, примчался к месту событий и едва успел пре-сечь расправу над несговорчивым мужиком и его семьей. Несчастных под дулами карабинов уже поставили к стогу се-на на заднем дворе и теперь измывались, демонстрируя силу.

Когда Хватов подъехал, у стога стояли деревенские: со-гнувшись, весь в кровоподтеках знакомый ему Платон Сер-дюков, его старший сын Павел, бледный как полотно и ста-рик – отец Платона. Платон Сердюков держал беспомощ-но обвисшую руку и, скривившись беззубым ртом, пузыря кровь на губах, слал проклятия и стыдил казаков:

– Што? Справились, вояки вшивые! Со стариками и ба-бами только воевать можете!

– Заткнись, старый! Мало кровушки хлебнул, – выдавил с угрозой в голосе казак Никонов и потянул шашку из но-жен.

– Ироды, как вас только земля наша носит! – негромко, но внятно произнес старик и плюнул в сторону сгрудившихся

казаков кровью из разбитого рта.

Казак Никонов, ощерившись, едва сдерживаясь, с шашкой в руке шагнул к Платону.

– Хватит бурагозить! Что вытворяете! Мы сюда не насильничать зашли! Прекратить! – завопил, подскочивший к казакам Хватов, крутясь на своем мерине. Конь уловил волнение хозяина и теперь сопел, раздувал ноздри, пучил глаза и все норовил кинуться вскачь, но удерживаемый жестко натянутыми поводьями и удилами, что рвали губы, только вертелся, перебирал ногами и кидал копытами снег округ себя выгнув шею, и был в этот момент необыкновенно красив.

– Отпустить! Мужиков отпустить и всем по дворам разойтись! Собираться всем! Выходим из деревни уже нынче! – в сердцах, плохо соображая, кричал Хватов и для убедительности не сдержавшись, огрел сгоряча ближнего казака нагайкой так, что у того от удара лопнула рубаха на плече и сразу окрасилась алым.

Казак охнул, пригнулся, присел и выронил карабин. Хватов, понимая, что не к месту разозлил казака, тем не менее, отметил, что его решительность вершить суд над деревенскими на собравшихся казаков подействовала.

– Кондратий, да ты че?! Мы только хотели их пугануть! Успокойся! – включился в конфликт старый авторитетный казак урядник Михей Новоконов, которому удавалось всегда по-отечески обращаться к сотнику как старшему и более опытному служаке, давно пребывающему под его командой.

– Хотите проблем? Нам ругаться с местными не с руки! – пытался донести до казаков важную мысль Хватов.

Все понемногу начало успокаиваться.

Казачи стали расходиться, переговариваясь между собой и бросая косые, полные укоризны взгляды на Хватова.

Хватов соскочил с коня, проводил Сердюковых к дому.

– Что случилось то? – обратился к Платону сотник.

– Так, в доме ночевали двое из ваших, а седня пришел после бани один из них, страмина, – совсем пьяной и давай Дашку, жену сына лапать, да тащить из хаты. «Идем в баню с казаком, спинку мне потрешь», – говорит и давай, зараза, жене Павла чуть ли не при всех подол задирать. Та ему по морде, да в крик, – вот и пришлось вмешаться.

– Я его выпроводил из хаты, так он в драку полез и привел своих дружков, – переживая произошедшее, трясущимися разбитыми губами, затягиваясь самокруткой, вступил в разговор Павел.

– Понятно. Обычная история. Как выпьют – не люди, а сброд дикарей. Но понять их можно, – считай на холоде, без нормальной еды всю зиму, без бабьего участия, – оправдывал неуверенно своих казаков Кондратий.

Успокоив казаков и проверив караул на въезде в деревню, Хватов направился к дому своего соседа Ивана Зимина.

Еще на въезде в деревню хотелось Хватову зайти и показаться Матрене, которую он знал с малых лет и хотел взять в жены, как девушка подросла. Но война спутала все планы

на жизнь и, вернувшись после германца в деревню, увидел Кондратий уже замужнюю Матрену с мальцом у подола. Малец терся возле мамки и стесняясь чужого дядю, прятал лицо, утыкаясь в подол и несмело выглядывал на него, а словив ответный взгляд, снова утыкался мамке в юбку.

Выходило так, что не дождалась Матрена его, хотя если быть справедливым, то, в общем-то, и не обещала она ему этого. Он ходил за ней, приставал, давал знать, что люба она ему, но по малости лет девка все отшучивалась и серьезности в ее девичьем положении не показывала. Он собрался и ушел в войска, и вот на тебе – та, что должна, как ему казалось, рожать сыновей и дочек ему – Кондратию Хватову, вышла замуж и родила сынишку сморчку малолетнему – сыну Ивана Карцева. Сказывали, сын Ивана до сей поры не вернулся из войск, куда угодил уже позже Кондратия. Говорили, что как будто сгинул – ни весточки, ни памяти в письмеце хотя бы, так и не было получено от солдата.

Но сердце, – оно неугомное, все хлопчет и хлопчет, и порой похлопотав, казалось попусту, требует настойчиво того, что кажется безнадежным. Уже как бы и понятно, что Матрена жена другого и довесок в лице сынка уже образовался, но тянуло Кондратия к ней. В прошлый свой приезд заходил, подарки дарил, но все впустую. Матрена его обсмеяла, – залиvisto, весело, запрокинув задорно голову с тяжелой русой косой, платок цветастый, что подарил, правда взяла, но большего не позволила.

И вот решил Кондратий зайти, еще попытать счастье. Тянуло его к Матрене, казалось, и сил не было стерпеть. Правда не знал, что он ей скажет, что может предложить взрослой замужней женщине. Было понятно, что его война еще не закончилась и придется уходить на восток, но хотелось сказать о своих чувствах, что тлеи – не угасали, а от этого только сильнее бередили душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.